МУРЗИЛКА

2
ОГИЗ ДЕТГИЗ
ФЕВРАЛЬ 1934 г.

МУРЗИЛКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

ГОД ИЗДАНИЯ ОДИННАДЦАТЫЙ
ФЕВРАЛЬ 1934 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Москва, Центр. 6/8. Тел. 71-86

СОДЕРЖАНИЕ

Обложка худ. Е. ЗЕРНОВОЙ.

Рукописи и детские рисунки не возвращаются.

РЕДАКЦИЯ

ПРИЕЗД ТОВ. СТАЛИНА В ПЕРВУЮ КОННУЮ АРМИЮ С КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА М. АВИЛОВА

Т. Сталин поздравляет бойцов 1-й конной армии с их победами над Деникиным на южном фронте в 1919 г.

СКАЗКА О ЛЮБОПЫТНОМ ДЕДЕ[1]

Живут Иван Кузьмич и Никита Федорович — старики. Нет у них ни жен, ни детей, ни внуков. Живут, доживают — смотрят, что на свете делается.

Привезли однажды на село плуг, а лошадь в него впрягать некуда. Нужен к этому плугу трактор. Как же ему пахать без трактора? Но плуг и без трактора стал пахать! Плуг был не простой, а электрический. И куда ни взглянут Иван Кузьмич и Никита Федорович, везде электричество действует: пашет, сеет, убирает, строит дома, греет и светит, везет, поднимает, все может. И кругом разговор о нем: это Днепр-река электрическую силу дает.

Ивану Кузьмичу до всего дело, а Никите Федоровичу — все равно. Иван Кузьмич поработает, поработает и задумается: „Как это Днепр-река электрическую силу дает?" А Никита Федорович поработает, поработает и спать завалится.

Не вытерпел Иван Кузьмич и говорит Никите Федоровичу:

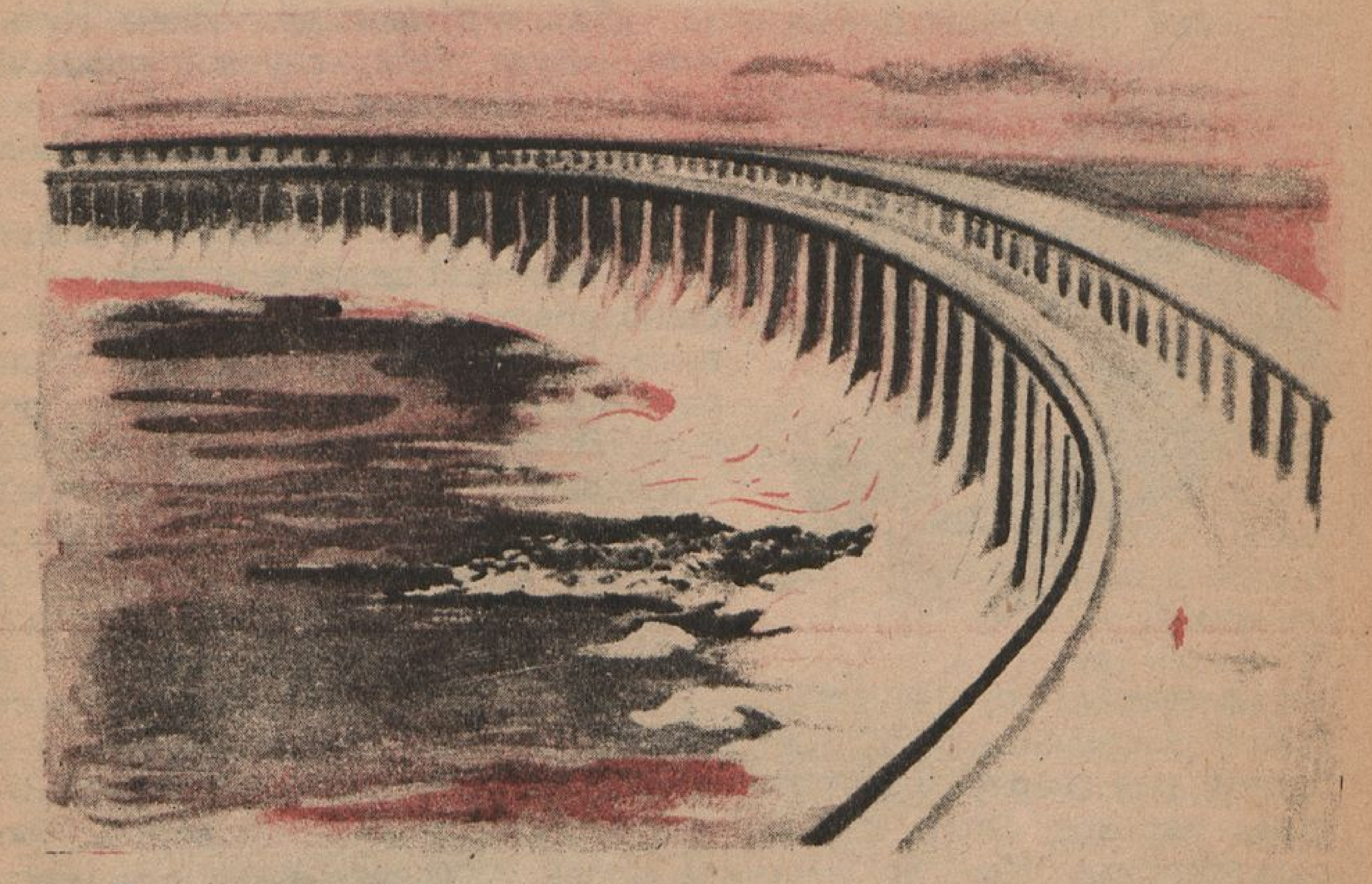
— Не могу, как ты. Желаю узнать, как Днепр-река электрическую силу дает.

Попрощался с Никитой Федоровичем и двинулся в путь-дорогу. Итти ему не далеко — не близко, не легко — не трудно, не долго — не быстро. Шел, шел и пришел. Так ведь всегда бывает.

---

[1] „Сказка о деде" — это дополнение, которое я написал для моей старой книжки „Не может быть".

Автор

Пришел дед в город. Стоит город, и все дома в нем разными красками раскрашены. Остановился дед; не знает, куда ему дальше итти. Подходит к нему девушка и спрашивает:

— Что, старичок, ищешь?

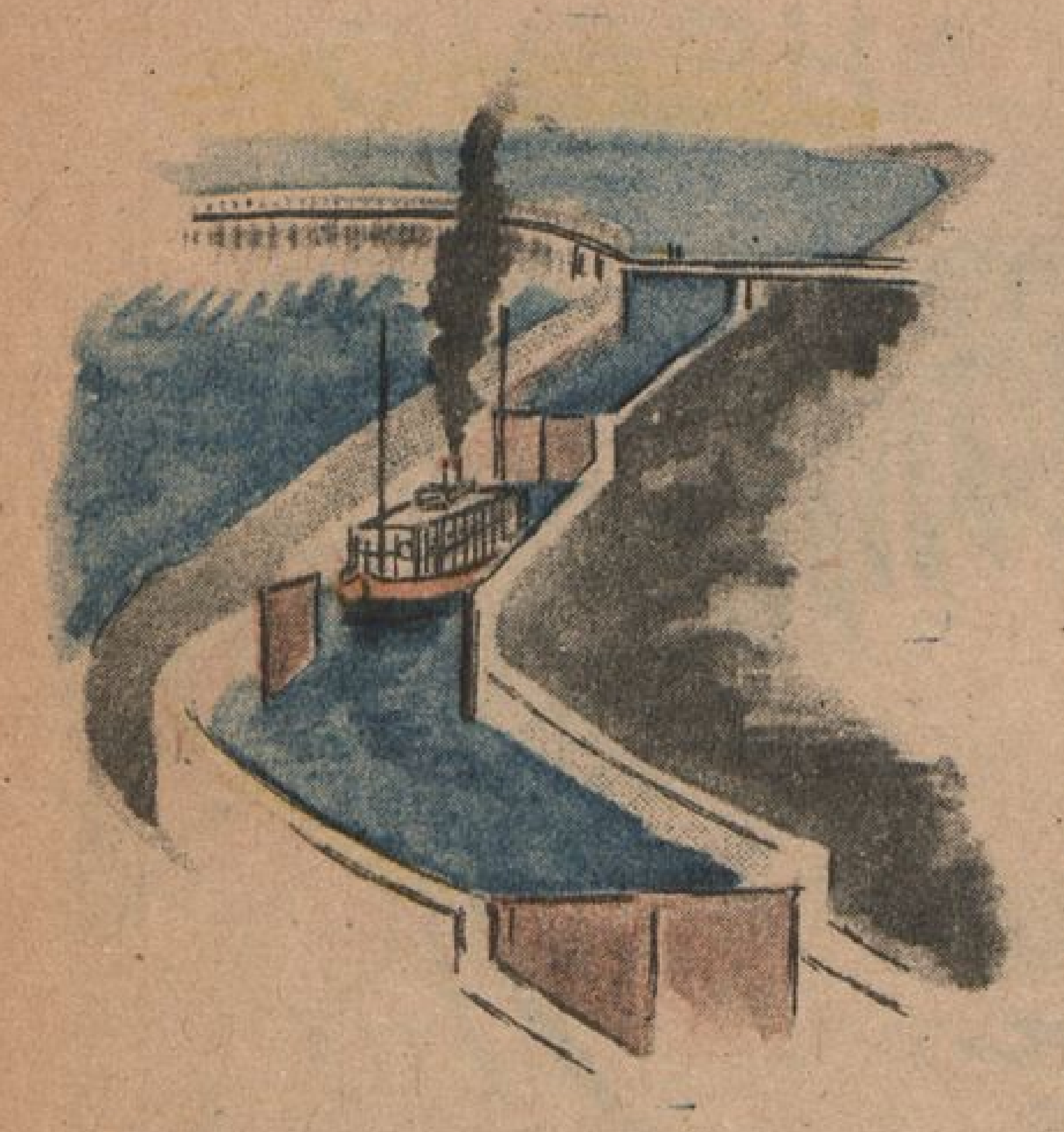
— Ищу, — отвечает дед, — дорогу туда, где Днепр-река электрическую силу дает.

— Заверни, дед, за угол, — говорит девушка, — синий дом увидишь: за другой угол пойдешь — зеленый дом будет; дальше пройдешь — красный дом найдешь. Оттуда и поведет тебя прямая дорога.

Завернул дед за угол — синий дом увидел. За другой угол пошел — зеленый дом нашел. Дальше прошел — и до красного дома дошел. Оттуда прямая дорога сама его повела. Шел он не далеко — не близко, не легко — не трудно не долго — не быстро. Дошел дед до знаменитой Днепр-реки.

Ревет перед ним Днепр-река. Посредине чудесная стена ее поперек перегораживает. От самого дна поднимается — реку собой подпирает. На стене сорок семь башен. На башнях широкая дорога висит, а между башнями через чудесную стену вода сверху вниз валится, водопады сверкают.

Ступил дед на висячую дорогу и смотрит: идет пароход издалека — белый весь, а труба красная, и из трубы чернейший дым вылетает.

„Так, — думает дед Иван Кузьмич. — Куда тебя, глупый пароход, несет? Днепр-река стеной перегорожена. Тут рыбе не переплыть, а тебе, пароход, подавно“.

Видит дед — подходит пароход к самой стене. И вдруг открываются в стене ворота, и льется вода сверху вниз. Подождал пароход, пока стало вровень воды, и прошел через ворота. А ворота за ним сами собой закрылись. Стоит пароход меж четырех стен, и перед ним вторые ворота сами собой открываются. Опять льется вода сверху вниз. А как стало вровень воды — прошел пароход и через вторые ворота, остановился перед третьими, а вторые сами собой закрылись. Открываются сами собой третьи ворота, и в третий раз сверху вниз вода льется. Смотрит дед — прямо под ним стоит пароход. Опять стало вровень воды, и в третьи ворота прошел пароход. Как по лестнице водяной, сверху вниз спустился. Загудел, засвистал, красными колесами по воде зашлепал и пошел, куда его капитан по Днепр-реке повел.

Подивился дед и побрел по висячей дороге на другой берег. По одну руку — Днепр-река высоко-высоко, а по другую — низко-низко. А посредине великие водопады шумят.

Шел, шел дед и пришел на другой берег. Ступил на берег, прошел немного — и выросли перед ним не мало — не много — сто стальных великанов; плечами высокими провода несут. У каждого великана на груди человеческий череп висит. Под черепом человеческие кости крест-накрест сложены, и написано страшное слово: **„СМЕРТЕЛЬНО“.**

У Ивана Кузьмича помутилось перед глазами. Тут подходит к нему военный человек и задает строгий вопрос:

— Что ты тут, дед, делаешь? Чего тут, дед, стал? Кто ты, дед, и откуда?

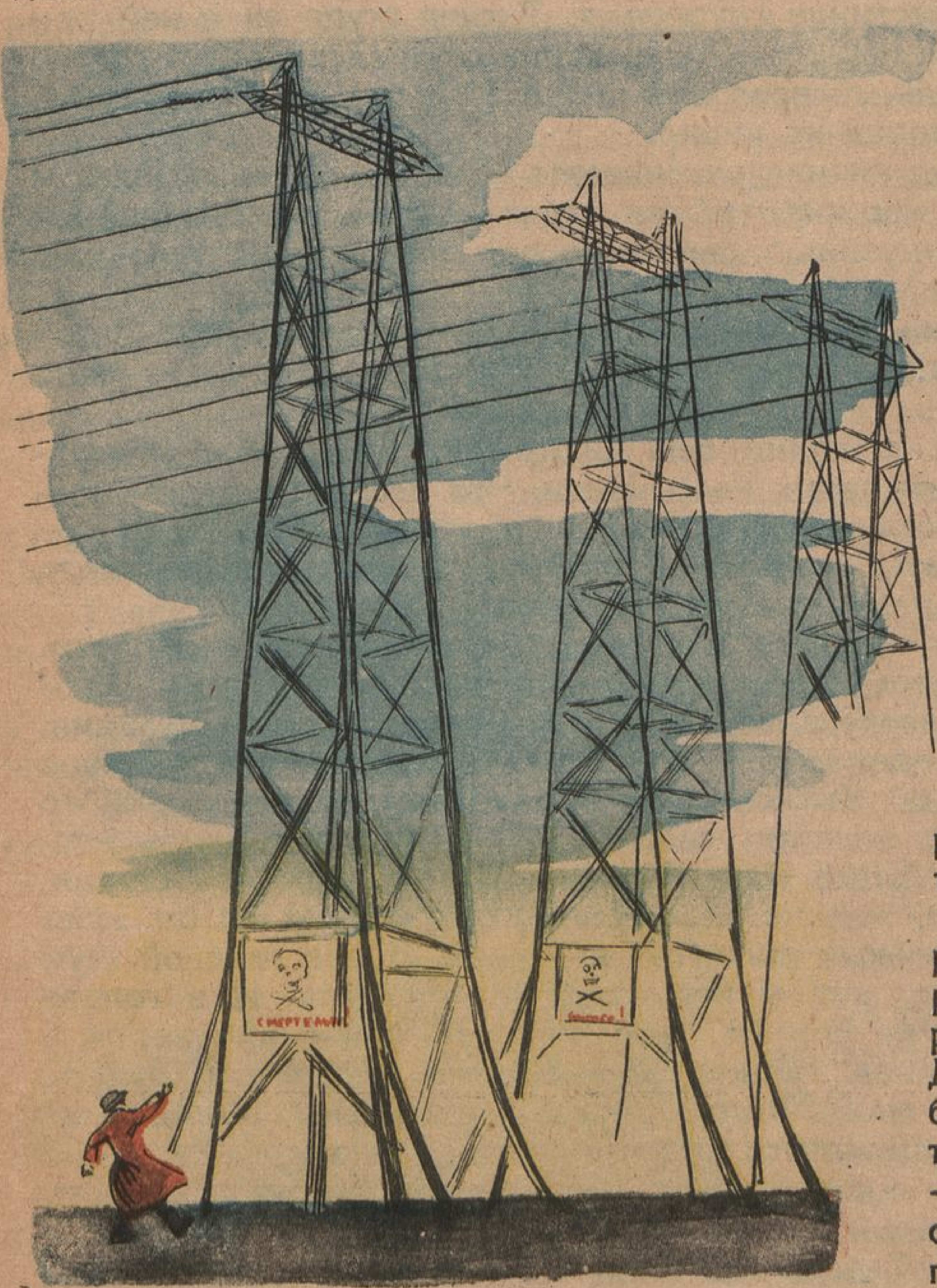
Рассказал дед ему, кто он да как он до ста великанов дошел. Выслушал его военный человек и сказал:

— Ничего тебе великаны не сделают. Только не дотрагивайся до них. А дотронешься — смерть примешь. В черный уголь обратишься.

Вынимает военный человек из кармана железный знак, надевает его на руку деда и говорит:

— Даю тебе этот знак. На него посмотрят — пропустят тебя. А обратно пойдешь — мне этот знак вернешь. Смотри — не потеряй только. Где хочешь ходи, а как до девяти ступенек дойдешь — назад поворачивай.

Поблагодарил дед военного человека, покосился на сто великанов и пошел смотреть, как Днепр-река электрическую силу дает.

Видит — в чудесной стене девять решеток больших. В решетки Днепр-река падает. А внизу, под самой стеной, стеклянное здание сверкает. Мимо деда люди идут. Останавливает дед одного и спрашивает:

— Человек, человек, зачем Днепр-реку в девять решеток вгоняете?

— Затем, чтоб работал, — говорит человек. — Через решетки Днепр-река в трубу попадает. Идет труба сверху вниз — с большой высоты, по ней вода падает, со всей

силой летит, на колеса наваливается. Глубоко там колеса вертятся, машины-турбины двигают. Машины-турбины трудятся — электрическую силу дают. Не будет Днепр-река сверху падать — не будут колеса вертеться. А не будут колеса вертеться — не будут машины-турбины трудиться, а не будут машины-турбины трудиться — не будет электрическая сила по проводам растекаться. Оттого и заставили Днепр-реку сверху вниз падать. В девять решеток падает, в девять труб попадает, девять колес вертит, девять машин-турбин трудятся.

Стал дед по лестнице спускаться. Тысяча ступенек в ней или чуть-чуть только поменьше. Очень долго спускался Иван Кузьмич. Спустился он в главный прозрачный зал. Пол под ногами блестит, стены блестят, потолка не видно.

Вместо потолка сияние разливается. Девять кругов в зале, и в каждом круге машина-турбина стоит — неприступной башней возвышается, тринадцатью лапами о пол упирается, а туловище машины-турбины в глубоких подземельях замуровано.

Над машинами-турбинами начальники начальствуют. Видят начальники — железный знак у Ивана Кузьмича. Значит, можно ему по залу ходить. Поздоровались с дедом.

— Здравствуй, товарищ дед! Смотри на наши машины-турбины. На всем свете таких не сыщешь. Что девяносто тысяч здоровых лошадей потянут, то одна наша машина возьмет.

Стал дед считать, сколько же это будет: девять на девяносто тысяч. Потел, потел, а сосчитать не сумел.

Вышел дед из главного прозрачного зала. Перед ним плотина вверх поднимается — Днепр-реку подпирает. Сорок семь водопадов через нее сверху вниз валятся. Не заметил Иван Кузьмич, как очутился у тайного входа — вниз девять ступенек ведут. Сошел по ступенькам вниз. Выскочил из его памяти запрет военного человека. Идет под низкими сводами. Впереди ход длинный тянется. Вот он какой, дед Иван Кузьмич! Шаг ступил, два ступил, сто шагов прошагал — и не видно стало, откуда пришел он. Идет и идет. Стены темные и холод от них веет. А над головой шум великий. Устал дед, нет у него сил ноги тащить. И в голове звон звонит. И уж не помнит Иван Кузьмич, давно или нет он в ход этот темный попал. Нашел у стены камень, присел отдохнуть. Отдыхает и думает: сколько девять на девяносто тысяч помножить? И вдруг чувствует шевелится под ним камень. Оказывается, не на камень дед сел, а на гигант-рыбу. Гигант-рыба воздухом дышит, плавниками ворочает и подводным голосом спрашивает у деда:

— Ты как в мой дом, дед, попал?

У Ивана Кузьмича от страха язык отнялся. Ничего гигант-рыбе ответить не может. Чувствует — несет его гигант-рыба по темному ходу в неведомое пространство. Выносит его гигант-рыба в подводное царство, в донное государство. И навстречу Ивану Кузьмичу другие гигант-рыбы плывут.

— У-уу-ух! — закричал Иван Кузьмич. И хорошо, что проснулся.

Гигант-рыбы никакой нет. Сидит он на камне в неведомом ходе, и над головой его низкие своды темнеют. Наверху у самого потолка маленькое окошко виднеется, и к нему лестничка по стене идет. Полез дед по лестничке в окошко смотреть. Что увидел, сказать невозможно: водопад над самой своей головой! Все понял Иван Кузьмич: попал он под самую Днепр-реку!

Вспомнил запрет военного человека, да поздно. Как выбраться, не знает. Откуда шел, припомнить не может: в обе стороны конца ходу не видно. А в какую сторону итти, неизвестно. Заплакал Иван Кузьмич. Стоит и плачет — даже борода мокрой сделалась. Плачет, плачет и слышит — шаги людские. Идут по холодному ходу три человека, видят — стоит дед и плачет. Подходят к нему и удивляются:

— Ты что тут, дед, делаешь?

— Люди добрые! — закричал Иван Кузьмич. — Не знаю я, как отсюда на свет дневной выбраться. Заблудился я в страшном ходе. Забыл запрет военного человека.

Взяли его за руки и пошли с ним по холодному ходу. Шли, шли и подошли наконец к выходу.

Очутился дед на том берегу, где раскрашенный город стоит, а стеклянное здание с главным прозрачным залом, в котором машины-турбины трудятся, на другом берегу виднеется.

Себе самому не поверил дед, как это он под рекой с берега на берег прошел.

Стал он прощаться со спасителями своими, хотел от выхода прочь итти.

А тут часовой стоит и железный знак спрашивает:

— Где твой знак, гражданин, что разрешалось тебе ходить по здешним местам?

Хватился дед — нет железного знака. Часовой — строгий человек.

— Я тебя, гражданин дед, должен арестовать, — говорит. — Может, ты тайно в подводный ход залез? Может, ты портить нам вздумал?

„Ох, — думает Иван Кузьмич, — одну беду минуешь, в другую попадешь". Повели деда опять на тот берег, где ему военный человек железный знак дал. Приводят к военному человеку и рассказывают:

— Так и так. Нашли в подводном ходе этого деда. Знака при нем нет. Зачем ходил — неизвестно.

Посмотрел на него военный человек — узнал, рассмеялся.

— Где же твой знак? — спрашивает.

Нет знака, потерял его дед.

А военный из своего кармана знак вытаскивает:

— Вот он. Нашли знак, который ты потерял. Мы без знаков пускать не можем. Нам охранять надо. Самая большая на свете гидро-электрическая станция — наша, днепровская, и имя ей присвоено самого большого человека на свете. Это, — говорит — **имени Владимира Ильича Ленина станция**. Понял, дед?

— Все понял, — кивает головой Иван Кузьмич. — Одного не пойму: сколько это девять на девяносто тысяч будет?

— Это, — отвечает военный человек, — давно сосчитано. Восемьсот десять тысяч будет.

Отпустил он деда Ивана Кузьмича. Отправился дед домой.

Итти ему не далеко — не близко, не легко — не трудно, не долго — не быстро. Шел, шел, шел — и пришел. Встречает его Никита Федорович.

— Здравствуй, Никита Федорович!

— Здравствуй, Иван Кузьмич. Где был? Что видел?

— Ох, — говорит Иван Кузьмич, — все видел. У меня под ногами пароход по лестнице шел, ступеньки у лестницы — из воды.

— Врешь, Иван Кузьмич. Этого быть не может.

— У меня, Никита Федорович, Днепр-река над головой была.

— Во второй раз скажу тебе, Иван Кузьмич, неправду ты говоришь.

— Я, Никита Федорович, знаю, сколько девять раз по девяносто тысяч будет.

— Этого, — отвечает Никита Федорович, — и знать невозможно.

Рассердился Иван Кузьмич.

— Ты, — говорит, — если не веришь мне, спроси у тех, кто эту сказку прочел.

Э. Миндлин

ПЛОХОЙ КОНЕЦ

Ударников немало было в школе.
Один из них послал свой вызов Коле.
Пошел в ударники и Коля Рыбаков.
— Учись же, Рыбаков!
„Нет, — Коля думает, — я не таков!
Куда хитрей моя программа!
Задачи на дому решать мне станет мама,
спряжение мне сделает сестра,
диктовку я спишу у Зотова Петра.
Не выучу урок — всегда подскажет Лида,
и буду я ударничать для вида“.

Ошибся Рыбаков — попал он в стенгазету,
вся школа узнает лентяя по портрету.

М. Андриевская

„Мы стоим за мир и отстаиваем дело мира. Но мы не боимся угроз и готовы ответить ударом на удар поджигателей войны.

А те, которые попытаются напасть на нашу страну,—получат сокрушительный отпор, чтобы впредь неповадно было им совать свое свиное рыло в наш советский огород“.

Так сказал тов. Сталин на XVII партийном съезде.

На снимке справа: доклад т. Сталина на XVII партийном съезде.

На двух снимках вверху слева: демонстрация трудящихся г. Москвы в честь XVII партийного съезда.

Внизу слева: митинг колхозников села Пахлец, Кораблинского района, Московской области, посвященный XVII партийному съезду.

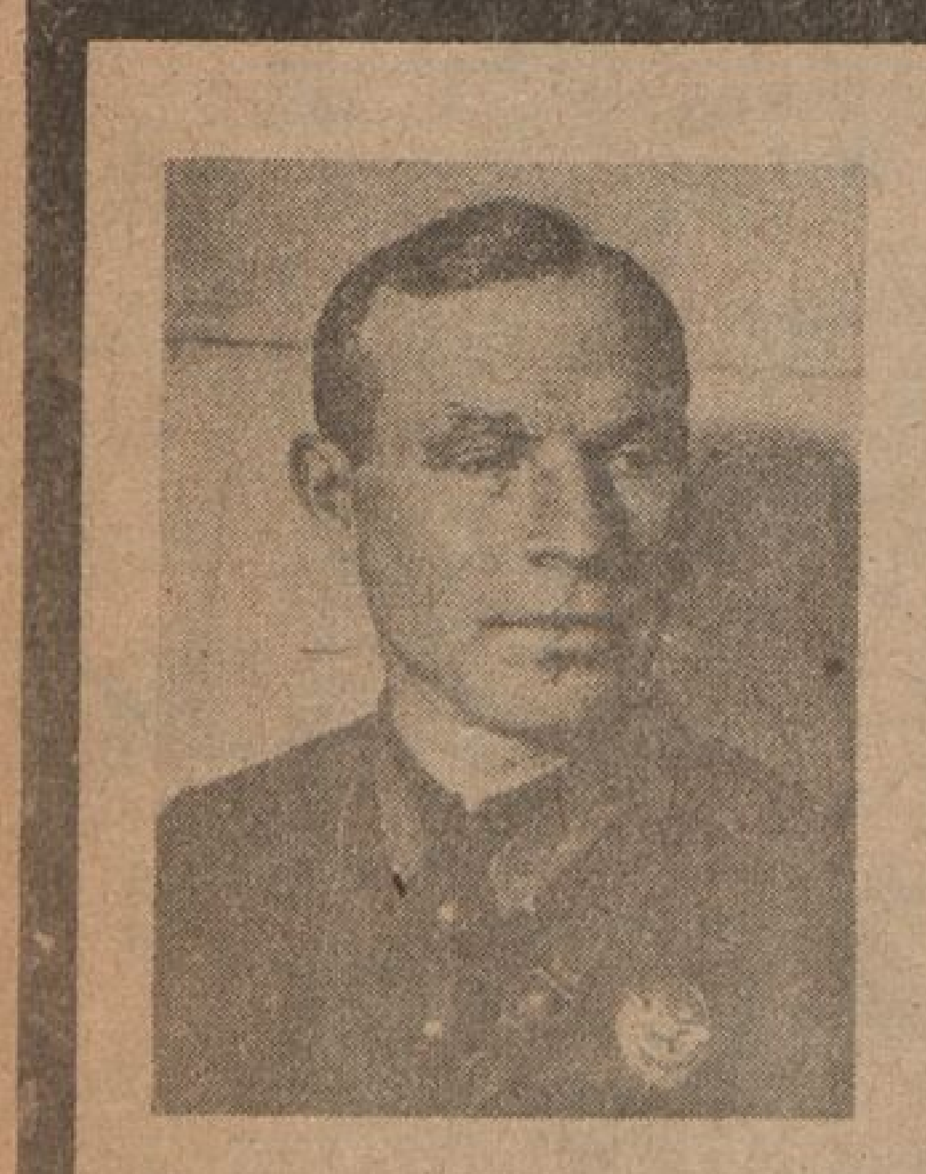
Красные петлицы —
это пехотинцы,
молодые снайперы.

Зеленые петлицы —
встали у границы
пограничные стрелки.

Синие петлицы —
дорога пылится,
кавалерия летит.

т. Федосеенко

т. Васенко

т. Усыскин

ГЕРОИ СТРАТОСФЕРЫ

30 января, рано утром, в Кунцеве, огромный стратостат „**ОСОАВИАХИМ**“ готовился к полету. Воздухоплаватели, ученые, писатели, рабочие провожали стратостат в полет.

„Мы будем рапортовать XVII съезду партии с такой высоты, на которую еще не поднимался ни один человек“. Так кончил свою речь командир стратостата т. Федосеенко перед полетом.

Десятки красноармейцев сдерживали рвущийся стратостат. Воздухоплаватели: **ФЕДОСЕЕНКО, ВАСЕНКО и УСЫСКИН**, направились в гондолу.

В 9 час. 07 мин. раздалась команда:

— Отдать поясные! В полете!

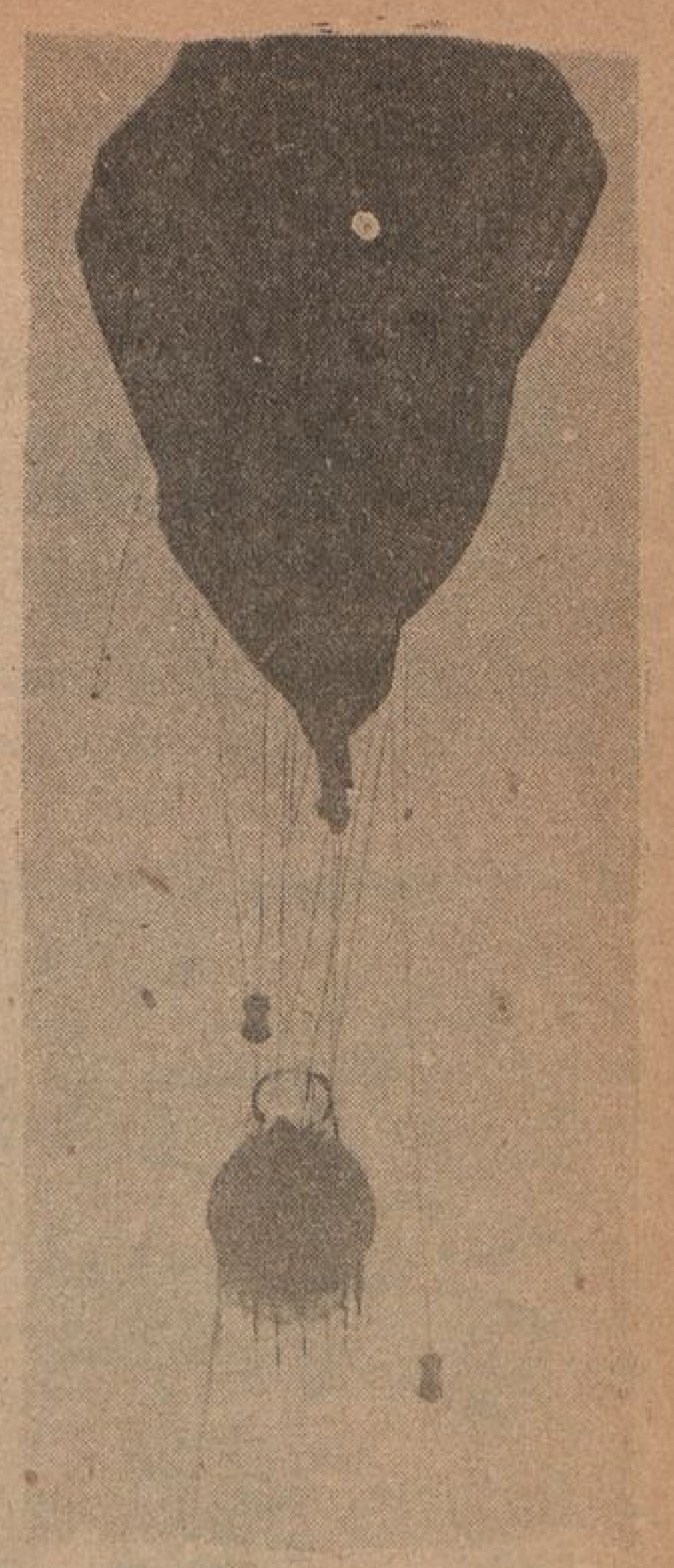
— Есть в полете! — дружно ответили из кабины летчики.

Красноармейцы отпустили канаты, и стратостат с отважными воздухоплавателями взмыл вверх.

— Да здравствует СССР! — услышали на земле последний возглас командира стратостата т. ФЕДОСЕЕНКО.

Через десять минут со стратостата была получена первая радиограмма:

„Слушайте, слушайте. Говорит СИРИУС, говорит СИРИУС“. (Так условились называть радиостанцию стратостата). Высота 1600 метров. Прошли облака“.

В 9 час. 56 мин. была получена новая радиограмма:

„Говорит СИРИУС. Высота—15 тыс. метров. Температура минус 45°. В гондоле температура 0°. Ведем наблюдение над космическими лучами. Взяли три пробы воздуха“.

Каждые 10 — 15 минут на земле получалась радиограмма стратостата, и ей в ответ посылали привет ученые, газеты, участники первого полета стратостата „СССР“, который поднялся в сентябре 1933 г. на высоту 19 тыс. 600 метр.

В 11 час. 42 мин. с высоты 20 тыс. 600 метров стратостат „ОСОАВИАХИМ“ отправил пламенный привет XVII с'езду ВКП(б), великому и любимому вождю т. **СТАЛИНУ**, тт. **МОЛОТОВУ, КАГАНОВИЧУ** и **ВОРОШИЛОВУ.**

Последняя радиограмма была получена в 12 час. 01 мин.

После этого стратостат потерял связь с землей.

И вот в 16 час. 23 мин. недалеко от станции **РУЗАЕВКА**, Мордовской области, с огромной силой ударилась гондола стратостата о землю. На высоте 12 тыс. метров часть строп оборвалась. Стратостат потерял равновесие и полетел вниз со страшной скоростью. Он пролетал километр в минуту. От удара гондолы о землю вся команда стратостата погибла. Часть приборов в гондоле оказалась разбитой. Но часть приборов уцелела, и невредимыми остались записи воздухоплавателей о том, что они наблюдали.

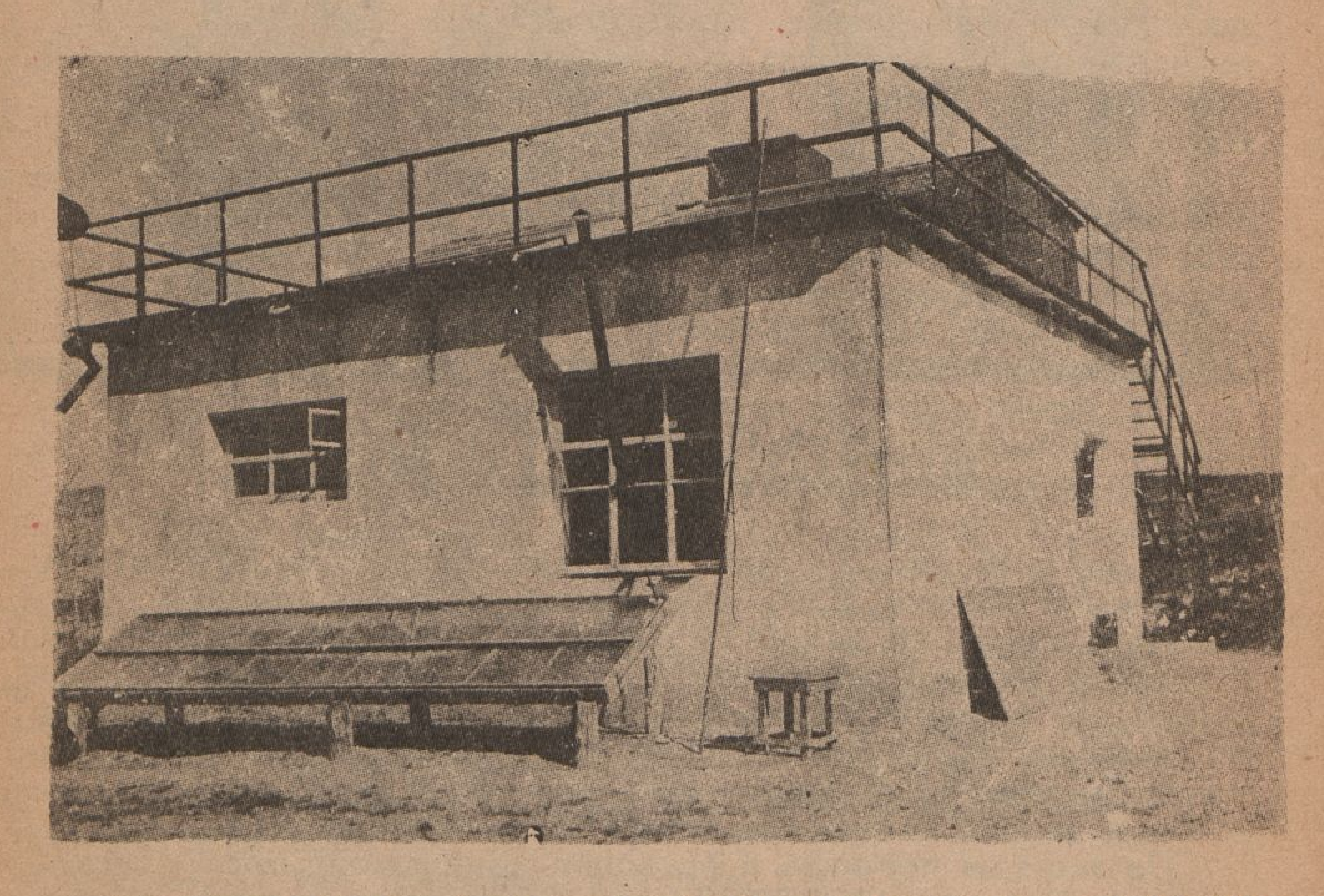
По записям летчиков и приборов, отмечавших высоту полета в 12 час. 33 мин., „ОСОАВИАХИМ“ **поднялся на высоту 22 тыс. метров. До такой высоты не поднимался еще ни один человек в мире.**

Отважные герои стратосферы, тт. **ФЕДОСЕЕНКО, ВАСЕНКО** и **УСЫСКИН**, награждены орденами имени ЛЕНИНА.

Их хоронили в Москве на Красной площади. Урны с их прахом несли тт. СТАЛИН, МОЛОТОВ, ВОРОШИЛОВ. Прощаться с ними пришли сотни тысяч рабочих Москвы.

Имен отважных героев стратосферы никогда не забудут на Советской земле. Они отдали свою жизнь за науку и за то, чтобы советские воздушные корабли первыми научились летать в стратосфере, охраняя Союз советских социалистических республик.

В этом доме живет солнце

Я устал в поисках дороги в город и хотел скорее встретить в этих диких зарослях виноградников, персиков и вишень хоть одну живую душу. Но совсем неожиданно, как из земли, появилась передо мной высокая белая стена каменного дома.

— Ну вот,—решил я,—здесь конечно найдутся люди, и от них я узнаю все.

Но не тут-то было.

На мой стук в дверь никто не вышел. В доме было совершенно тихо, будто его жители вымерли. Я дернул стеклянную ручку и вошел в просторную светлую комнату. У первого окна стояло большое овальное зеркало, повернутое немного к свету; другое зеркало на рычажках висело под потолком.

Я сделал несколько шагов по комнате. Вдруг мою левую ногу страшно обожгло. Сперва я ничего не мог понять. Место, куда я хотел ступить ногой, представляло собой обычный чистый каменный пол из красного жженого кирпича. Я протянул руку над местом, куда хотел шагнуть. К руке шло тепло, но вовсе не жгло. Я повел рукой в воздухе в сторону, где висело зеркало, и быстро отдернул ее от жара. Через комнату сверху от зеркала шел луч и упирался в кирпичный пол.

На красном кирпичном полу светлое пятно от луча почти не было заметно.

Я взглянул на окна. В них вместо двух рам было по пяти. Перегородок почти не было. Окна были похожи на огромные витрины магазина. Здесь было жарче, чем на дворе. Я прошел вдоль стены и, пригнувшись, пролез под лучом, как под шлагбаумом. За зеркалом, под потолком, повернутым немного к окну, был обычный выбеленный угол комнаты. Там летала оса и билась о потолок. Подошел к внутренней двери и легко открыл ее. На меня пахнуло чем-то вкусным.

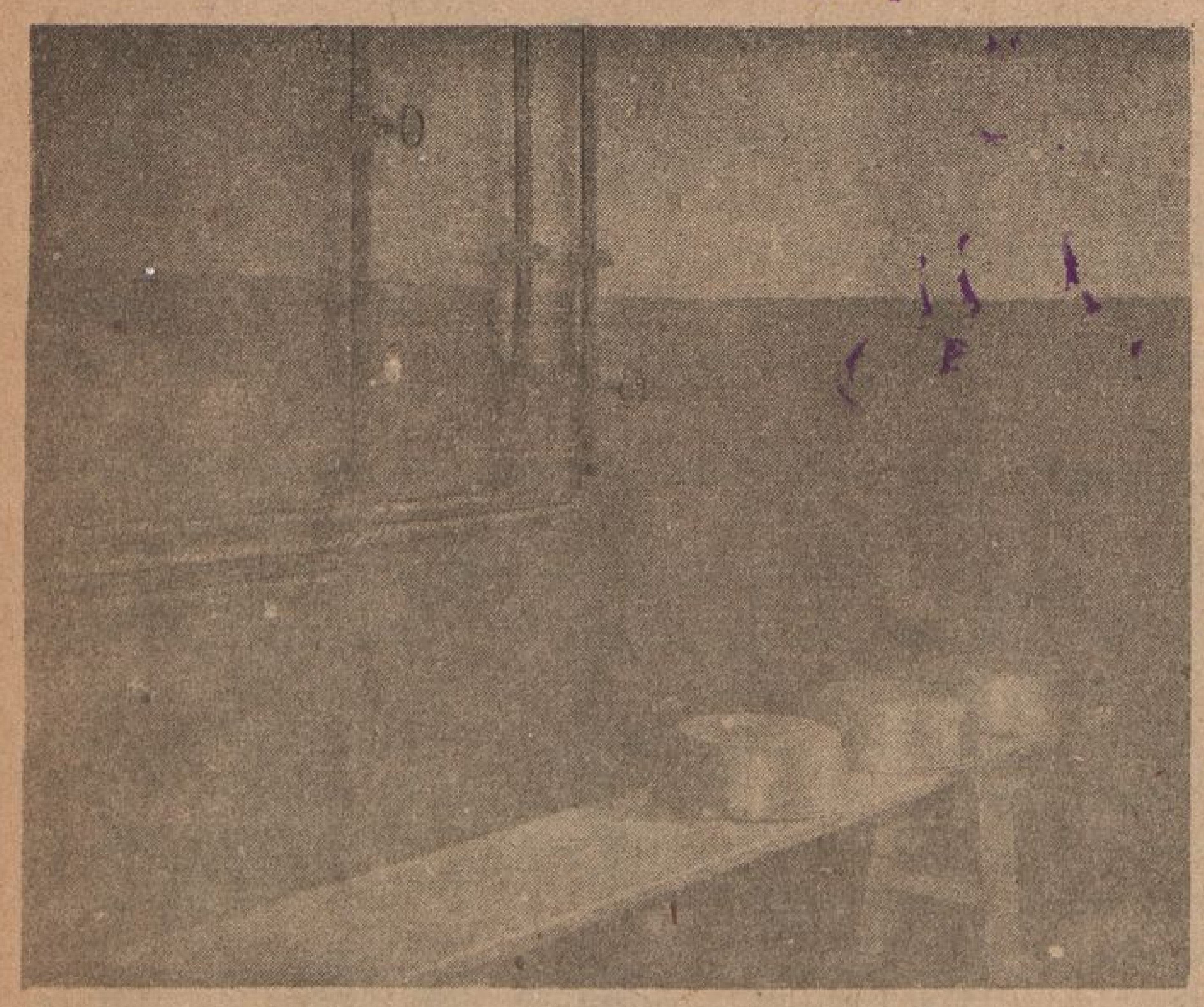
— Кухня! — Я быстро направился в первую же открытую дверь, ожидая увидеть плиту, дрова, кухонные принадлежности и конечно человека. Но ничего этого здесь не оказалось. У стены стояли деревянные полки с несколькими кастрюлями. В кастрюлях что-то варилось. Я заглянул в первую: в ней был суп и в супе штопорком свернутая трубка. Она шла из кастрюли вверх к большой трубе. Труба уходила в стену.

— Вот так кухня! Ни полена дров, ни капли керосина. Кто живет в этом необычном доме? Для кого варится обед?

В темноте почти ощупью открыл тяжелую, набухшую дверь и очутился в маленькой комнате. О покатый пол мерно стучали капли. Где-то за стенами раздался настоящий паровозный свисток. Я знал, что в этих местах железной дороги поблизости не было, и затаил дыхание. Свисток медленно стал затихать и наконец затих совсем.

Капли падали с душа. Пахло сырым деревом. У стен стояли скамейки и шайки, два медных крана. В банях горячие краны обычно левые. Я дернул ручку левого крана и, как ошпаренный, кинулся в сторону. По цементному полу загремела шайка. Кипяток сильной струей ударил по скамье, поднялся пар и заволок единственное маленькое окно, высоко в стене.

Конечно это была баня, и где-то должно быть машинное отделение и люди. Я закрыл кран. Опять стало тихо. В центр комнат-

ки стекали ручейки воды, о пол мерно и четко продолжала стучать капля.

Больше никаких дверей я не видел. Я пошел назад и через кухню опять попал в первую комнату.

Луч, как сторож, стоял в дверях.

Я взглянул на свои часы. Они показывали двадцать минут шестого. Надо торопиться. Осторожно протягиваю руку к лучу. Но луча почти не почувствовалось, он был чуть теплый. Я весь вошел в луч, готовый в любой момент выпрыгнуть из него. Повернулся спиной к двери. В лицо ударил теплый свет, и я увидел себя в зеркале, которое низко висело под потолком.

Поклонившись самому себе, как хозяину, я вышел наружу.

На небольшой ровной площадке я увидел несколько длинных стеклянных ящиков, похожих на парниковые рамы. Но в ящиках под стеклом не было никакой зелени. Там лежали спаянные между собой железные трубы. Каждый ящик стоял на тонкой железной подставке. Кругом не было ни души. Я решил еще раз обойти кругом дом. Как вдруг перед самым моим носом из стены дома отделился какой-то щит и медленно поднялся выше меня. Передо мной был вход в темную комнату. Я сделал шаг, и передо мной вырос старик в белом халате и в белом колпаке.

— Войдите, — приветливо сказал он.

Я вошел, поздоровался и объяснил ему, что попал в дом случайно. Шел зарослями вишен и сирени без всякой дороги.

В окнах шумели вентиляторы. Потолок был стеклянный, но над стеклом вместо неба я увидел огромный черный фанерный лист. Такие же листы были над окнами и над входом. В комнате все было выкрашено в белую краску: белые стены, белые полы, белые рамы...

— Что здесь такое? Кто живет в этом доме? — спросил я.

— В этом доме живет солнце.

— Меня зовут Харитон, фамилия — Сова, — сказал старик. — Я главный помощник солнца на земле. — И он улыбнулся. — Я ученый - гелиотехник. Это моя комната. Сюда я пускаю всех, кроме солнца, с которым встречаюсь только на работе. Но иногда и солнце я пускаю сюда. — И Харитон Сова дернул у стены белый шнурок.

В комнате мелькнул свет. Над окнами и входом были те же фанерные листы, но белые; такой же лист был и над потолком. Оказывается, все листы перевернулись.

Скоро я почувствовал, что в комнате становится тепло. Затем стало жарко и душно.

С меня в три ручья лил пот. Я уже хотел выходить, но Харитон Сова дернул другой шнур и включил все вентиляторы. В комнате стало почти темно и через несколько минут прохладно. Все фанерные листы были повернуты к нам черными сторонами.

— Вот что значит белый и черный свет, — сказал Харитон Сова. — Черный цвет берет в себя из комнаты все тепло, а белый, повернутый к солнцу, отталкивает солнечное тепло. Вентиляторы же помогают мне проветривать комнату. Они пускают из-под щитов прохладный воздух. Здесь нет солнца. Поэтому в моей комнате так прохладно.

Итак, я был в самом необычайном доме — доме солнца. В этом доме нет ни одной печки, ни одного полена дров, ни одной капли керосина. Но здесь есть паровое отопление, вентиляция, кухня, баня.

— Я даже хлеб пеку на солнце, — говорит Сова.

Первый раз я слышал, чтобы солнце отопляло дом, топило баню, варило обед и даже пекло хлеб.

Признаться, я не поверил. Как солнце может все это делать?

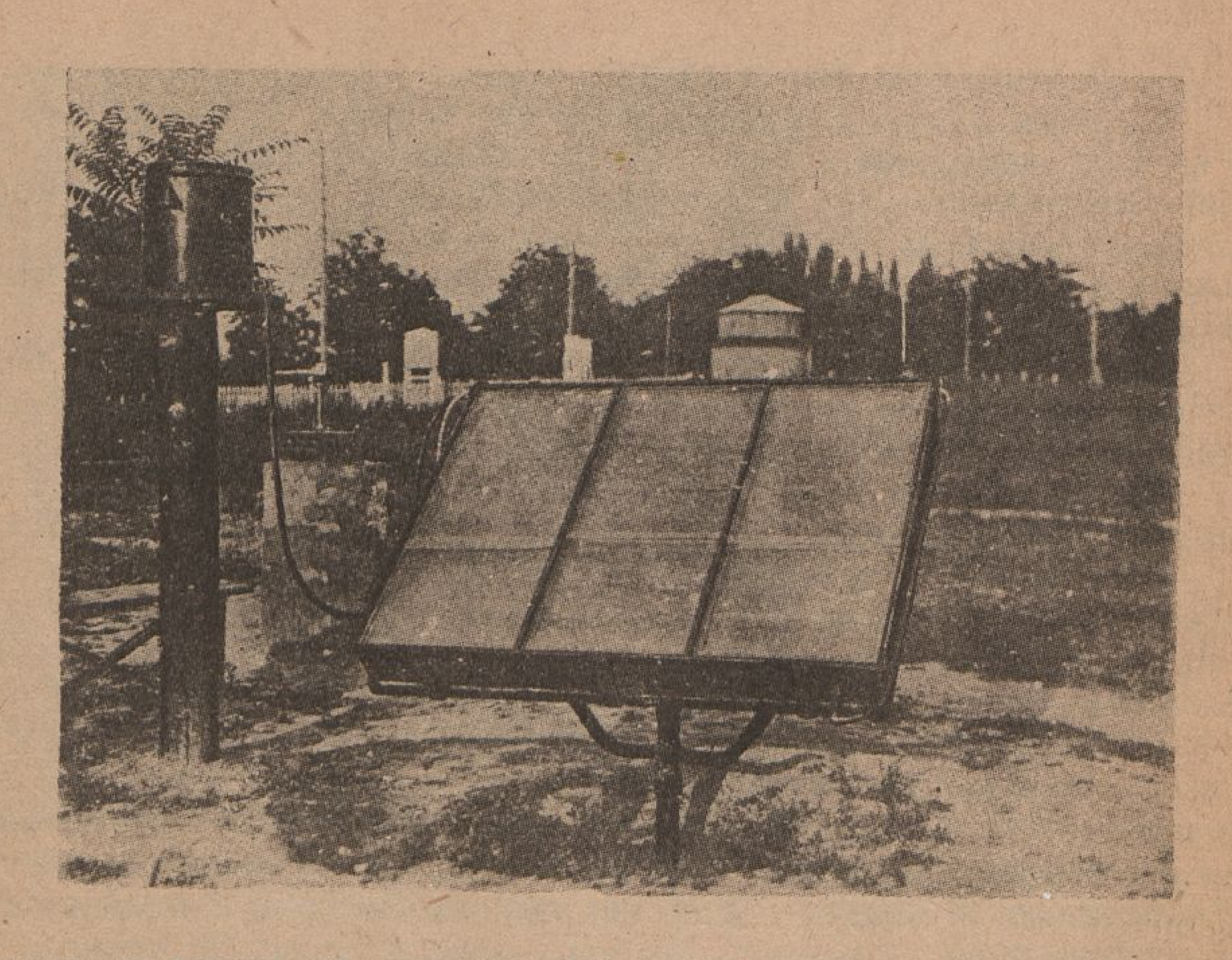
Харитон Сова повел меня во двор к странным рамам.

Они устроены, как подсолнух. Утром они повернуты на восток, и лучи солнца падают на стекло. Солнце идет на юг и поднимается выше. За солнцем мы поворачиваем рамы. В рамах железные трубы, в трубах—вода. Лучи проходят через несколько слоев стекла и нагревают в трубах воду.

— А если без стекол? — спросил я.

— Без стекла вода нагревается медленно и никогда не нагревается до кипения, а у нас вода кипит и даже вся превращается в пар.

Попробуйте дома в солнечный день (даже зимой) приставить ладонь к стеклу окна. Стекло холодное. Если же вы будете ладонь

держать у стекла, то почувствуете тепло, которое идет через него.

А у нас несколько стекол. В полчаса мы нагреваем до кипячения ведро воды. Затем вода превращается в пар, и пар толкает поршень; начинает работать машина, которая поднимает горячую воду из других рам по трубам на крышу, в бак, а оттуда в баню. А этот бак—солнечный самовар. Когда он „уходит“, свисток свистит, приглашает пить чай.

„Вот он какой паровоз!“ подумал я, глядя на солнечный самовар.

От самых сильных рам, то есть, где больше всего стекол и сильнее идет нагревание, пар идет на кухню и проходит в трубки, свернутые спиралью. Горячие трубки варят суп.

— А что такое гелиотехника? — спросил я Харитона Сову, когда мы опять вошли в комнату.

— Гелиос — по-латыни — солнце. Еще в древности знаменитый Архимед, говорят, направил от больших зеркал такие лучи солнца на неприятельские корабли, что „зайчики“ зажгли их. Вот с каких пор люди начали использовать солнечную энергию, и науку об использовании этой самой сильной энергии назвали гелиотехникой.

— При царе в России никаких домов солнца не было, а теперь вот здесь вы сидите в первом доме солнца в Ташкенте. Такие же дома строятся в городе Самарканде, и даже в Ленинграде занимаются гелиотехникой. В Ташкенте уже строятся большие солнечные бани и хлебопекарни. Солнечная кухня, то есть рама, бак и трубы, будет стоить на одну семью только двадцать-тридцать рублей.

— А зимой?

— Оказывается, что зимой солнце греет даже сильнее через стекло, так как в воздухе меньше пыли, воздух чище и лучи лучше проходят к земле.

— Но ведь солнце бывает не каждый день, — попробовал я спорить.

— Один из двух баков на крыше закутан в кошмы так, что за пятнадцать дней, если не будет солнца, горячая вода охладится совсем немного.

Я потянулся к окну, чтобы посмотреть на солнце, про которое я узнал столько нового, но отсюда его уже не было видно.

Я попросил гелиотехника Харитона Сову разрешить привести сюда товарищей.

— Пожалуйста, приходите, — сказал Сова. — Солнце угостит вас чаем и обедом в моей прохладной комнате.

Мы вышли.

Солнце опускалось за ореховую рощу. Длинные тени падали на его дом, окруженный зеленью. Пахло мятой.

Старик вел меня к выходу.

Я оглянулся на дом и двор. Рамы были повернуты на восток. Они приготовились встретить утро.

Длинной аллеей мы вышли на маленькую улицу, которая вела в город. Сова повернулся и указал мне тростью на вывеску, на которой было написано: „Государственная гелиотехническая станция в Ташкенте“

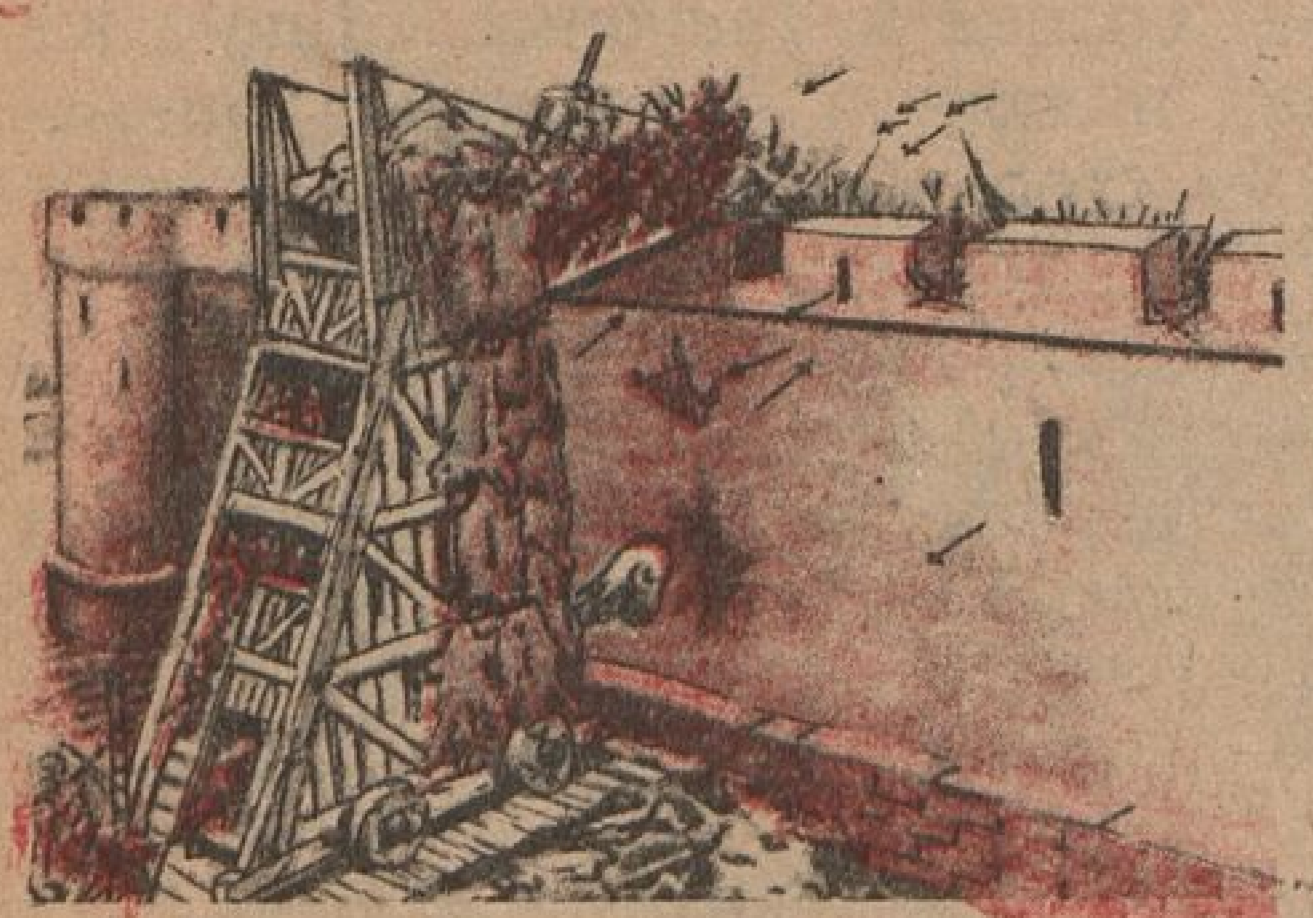
Ан. Тарасов

ОТГАДКИ НА ЗАГАДКИ

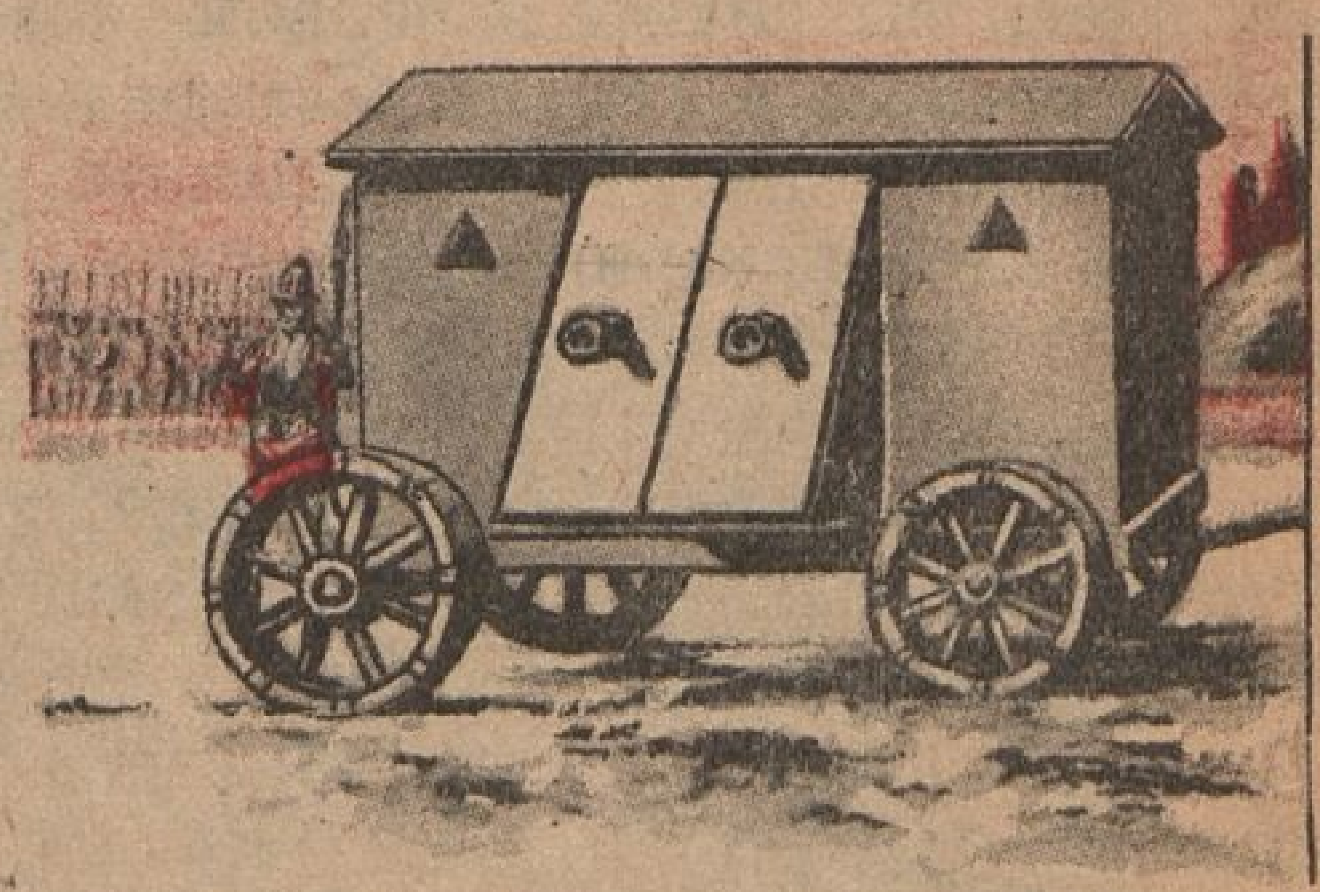
Коли Харбикова, помещенные в № 1

1. Бумага.
2. Ежи.
3. Железные.
4. В день своего рождения.
5. Петухи.

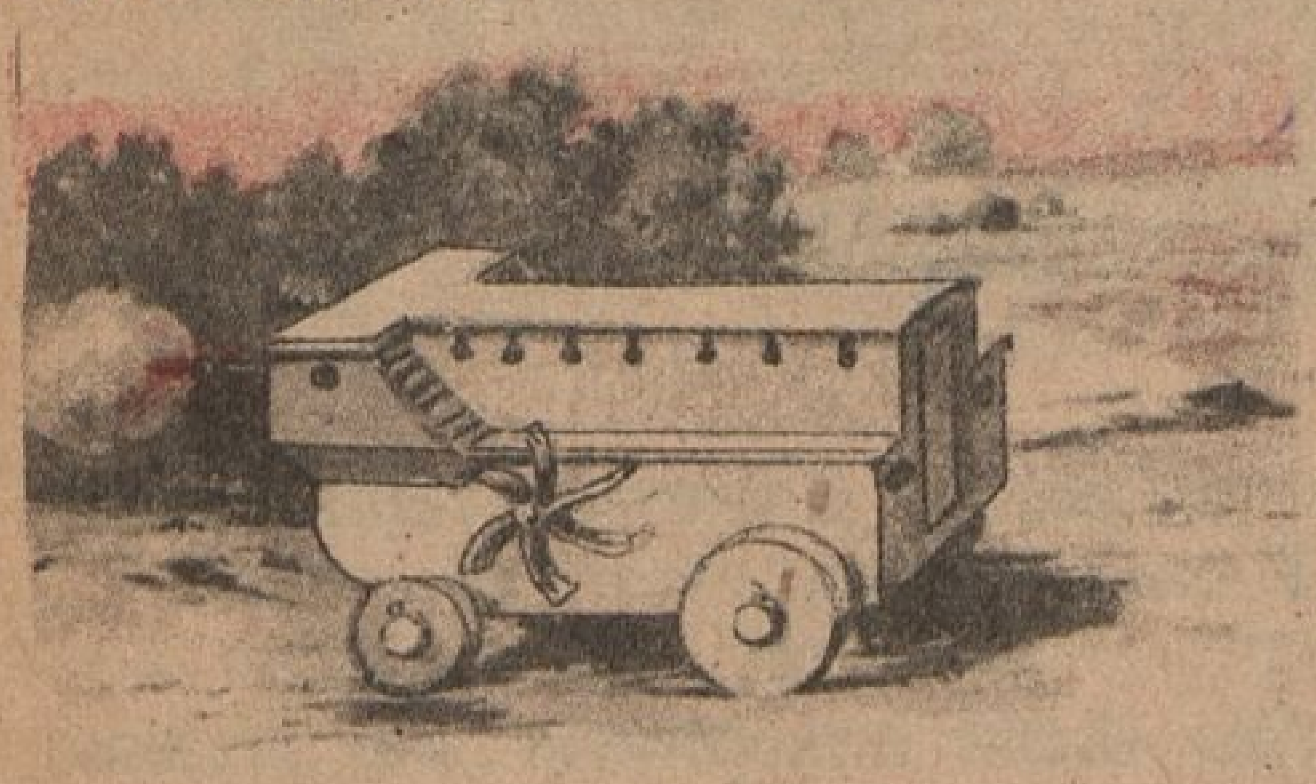
КАК ЛЮДИ

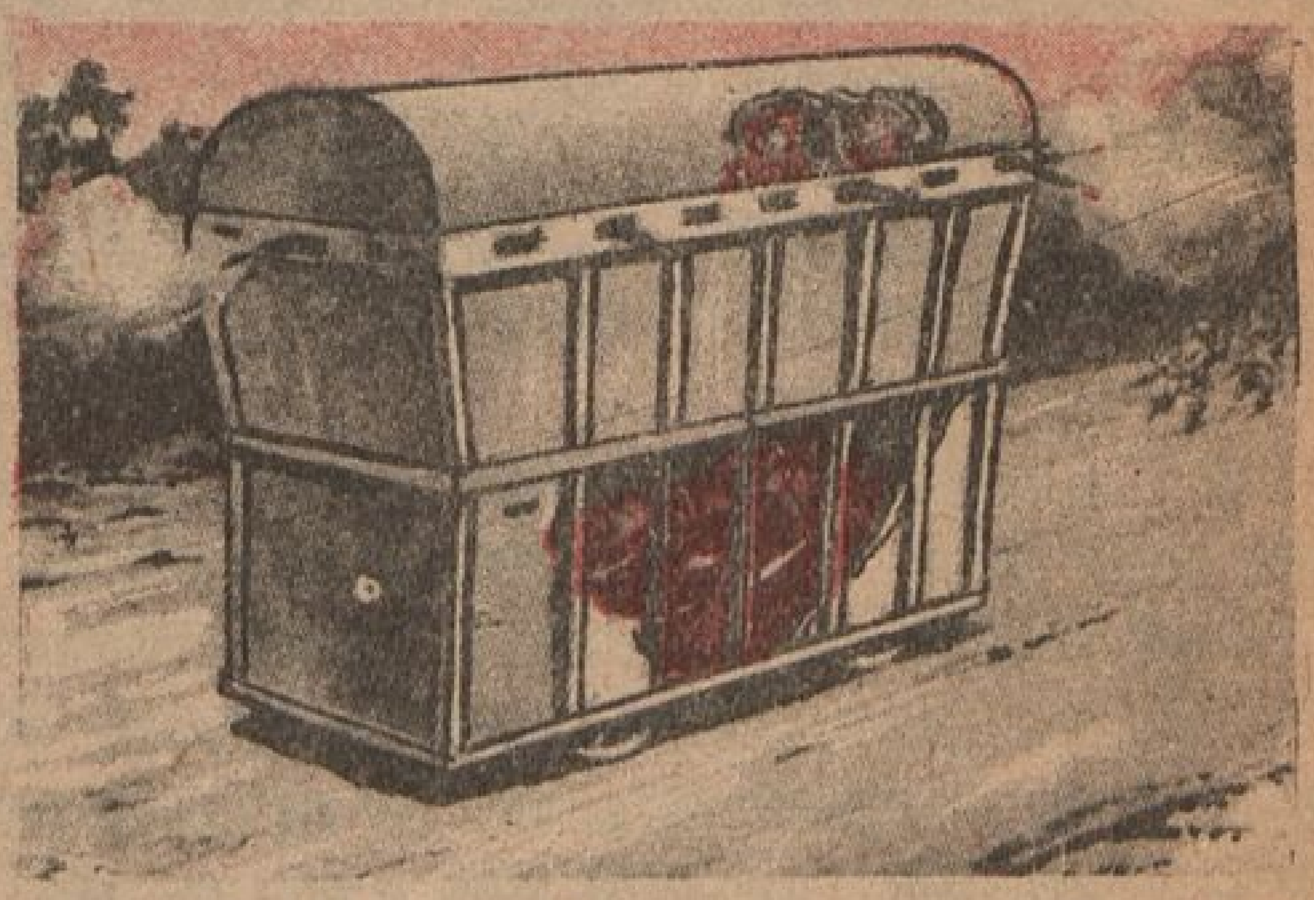
1. Башня на колесах, при помощи которой люди в древние времена разрушали стены неприятеля. Передвигалась вручную людьми.

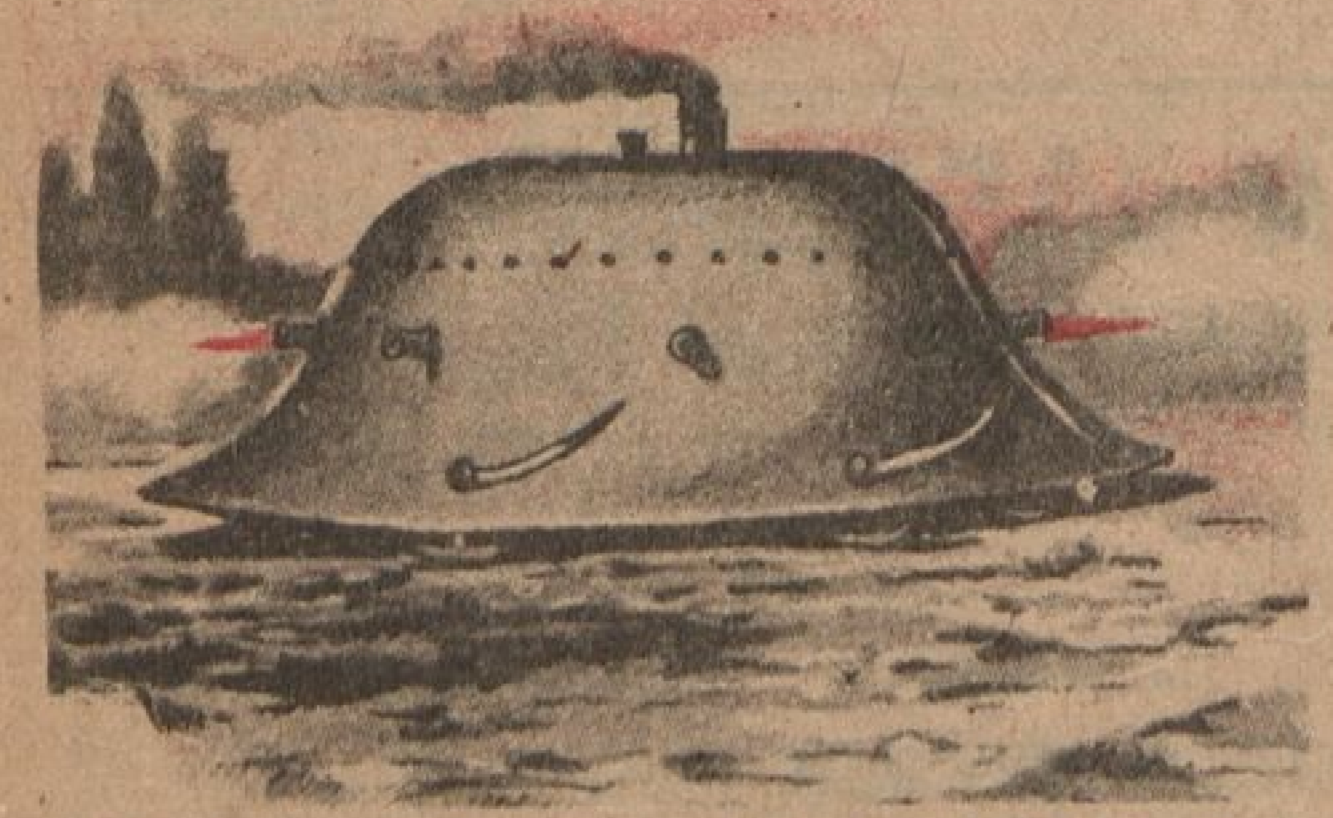
2. Первая германская боевая повозка, снабженная двумя пушками. Передвигалась людьми.

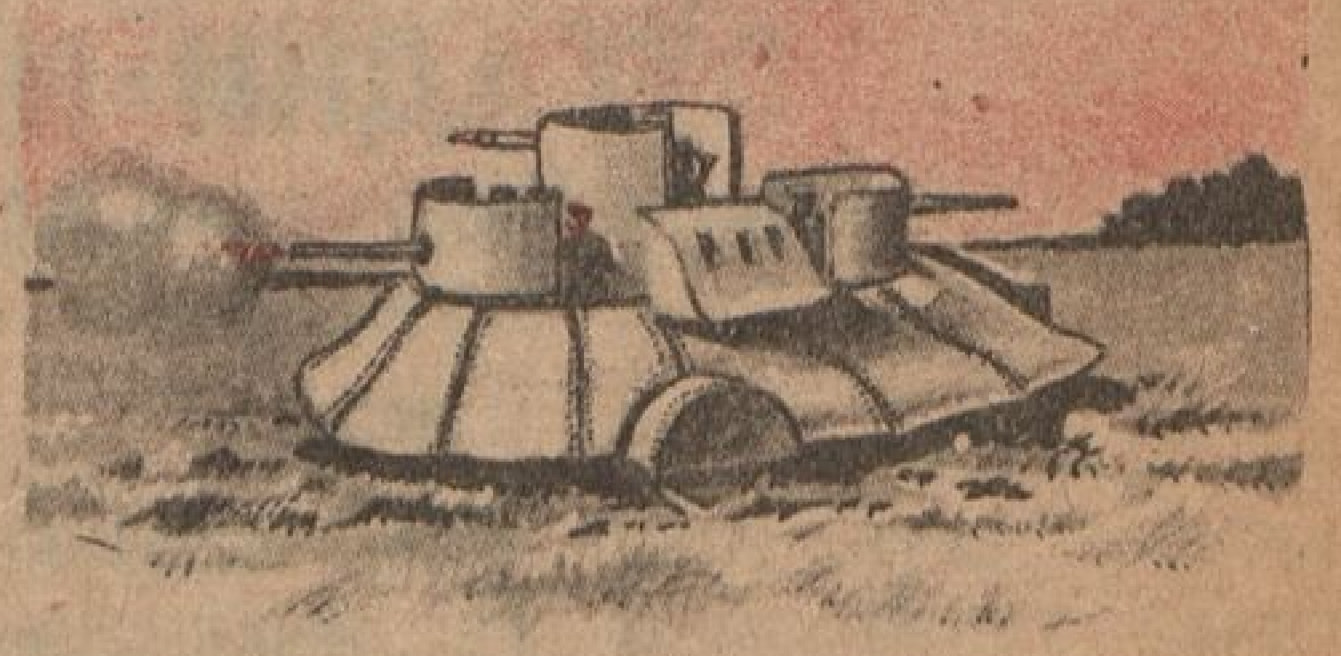
3. Первая бронированная железная колесница с 2 пушками. Изобретена 350 лет тому назад.

4. Это французская боевая повозка, вооруженная 8 мушкетами. Передвигалась лошадьми.

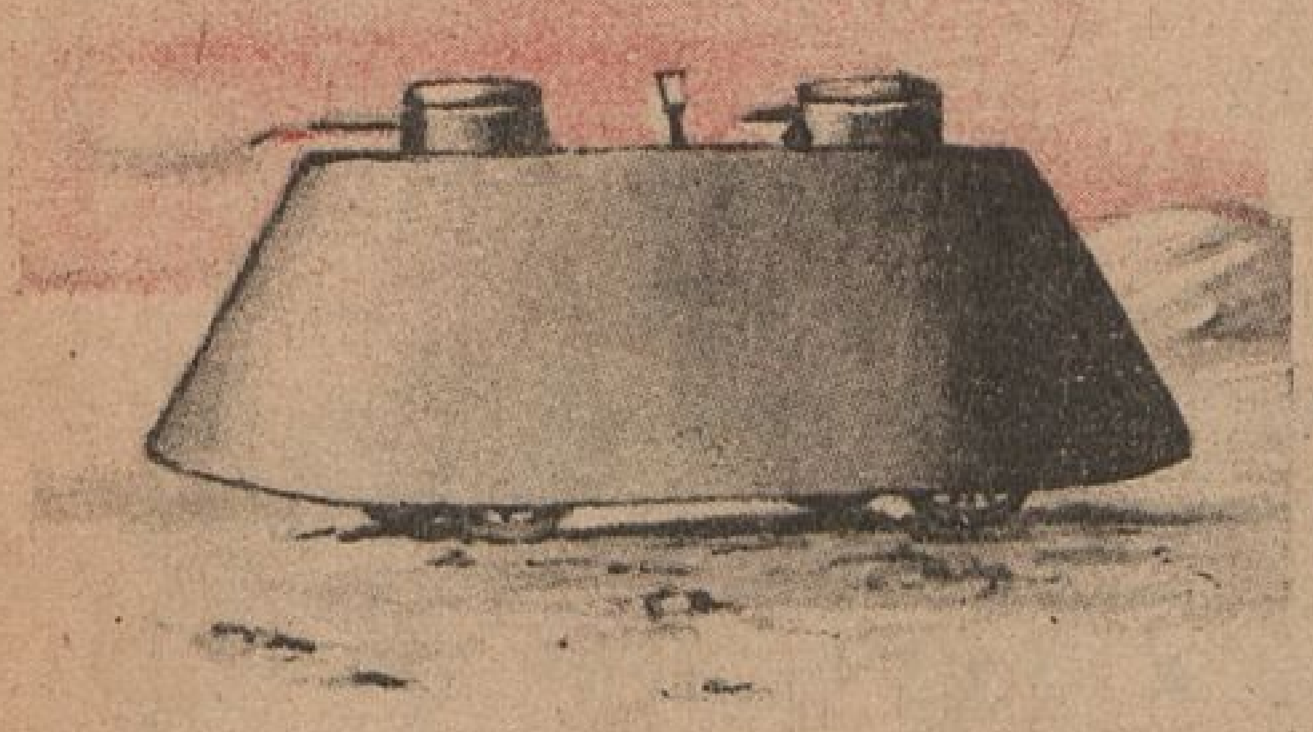

5. Английская паровая бронированная машина, вооруженная 8 пушками, 4 косами. Изобретена 60 лет тому назад.

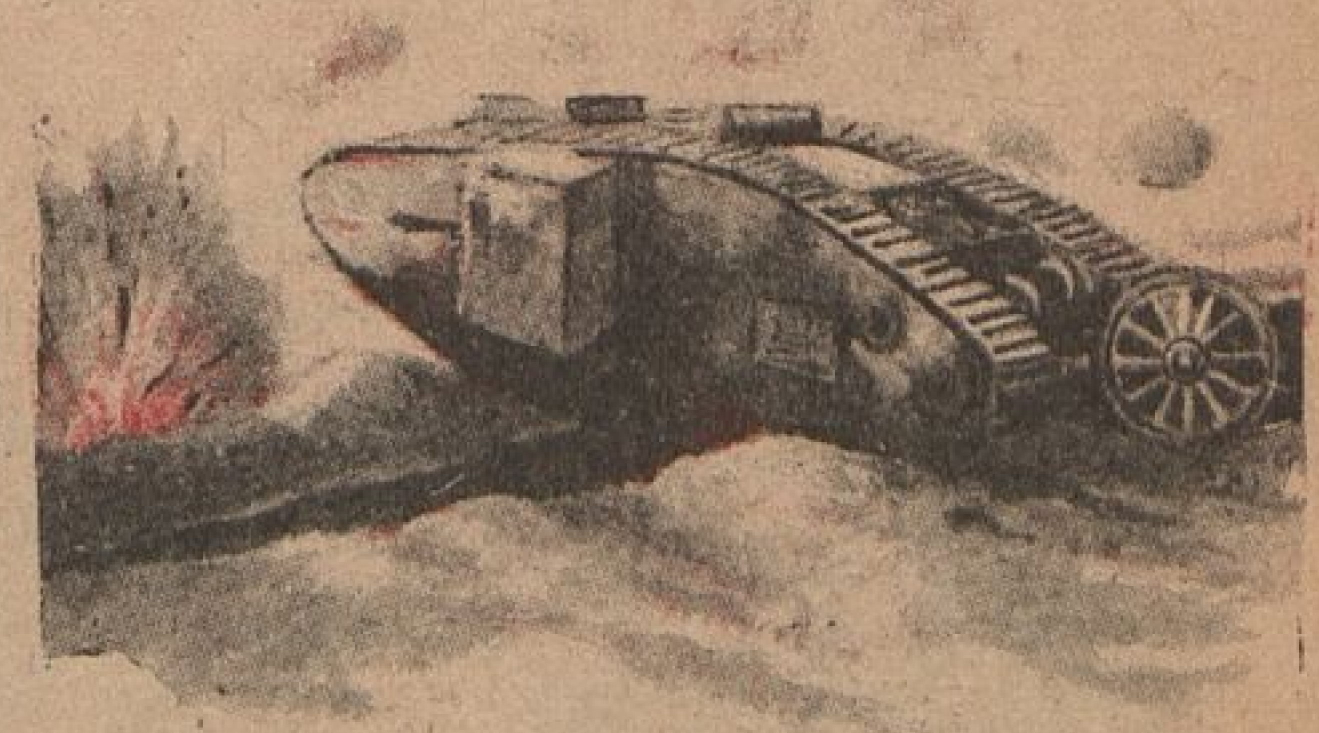

6. Английская бронированная машина с двигателем внутреннего сгорания; вооружена 2 пушками и пулеметом.

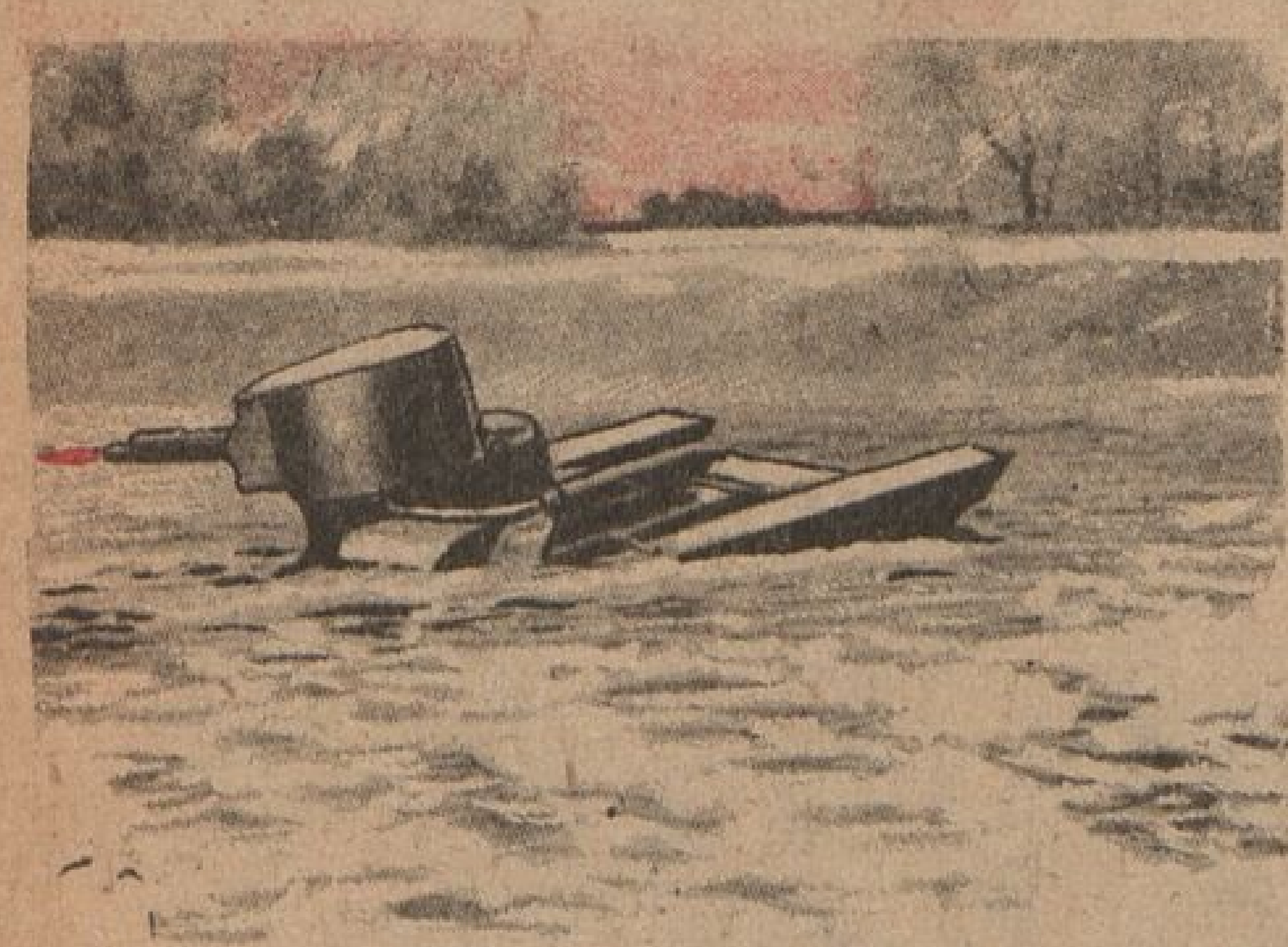
ИЗОБРЕЛИ ТАНКИ

7. Английская бронированная боевая машина, вооружена только пулеметами и перископом.

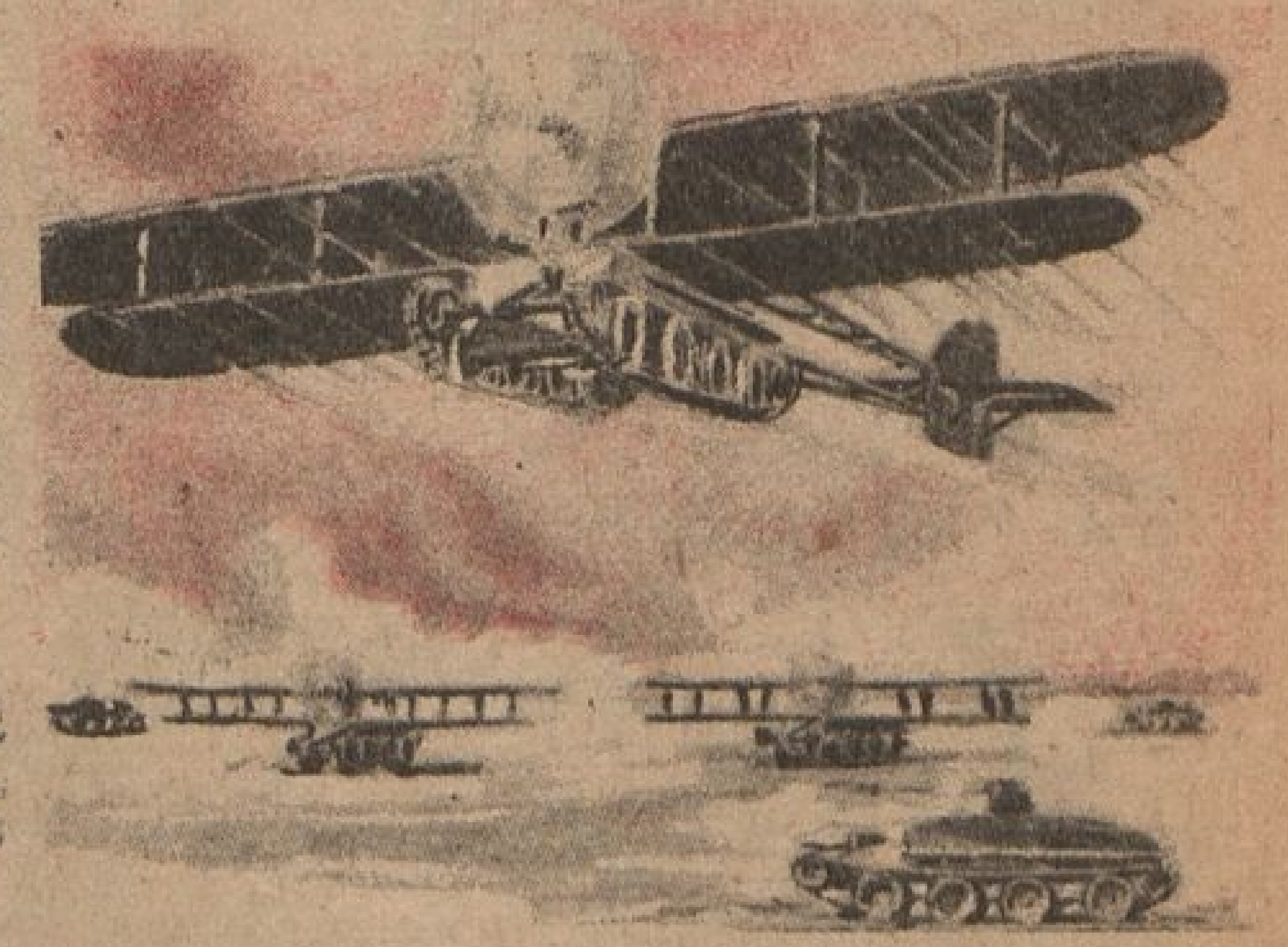

8. Первый танк „Марка I", изобретенный 20 лет тому назад, вооруженный 2 пушками, 2 пулеметами. Команда из 8 человек. Скорость—8 километров в час.

9. Это амфибия — плавающий танк, который передвигается по воде при помощи трехлопастного гребного винта и управляется специальным рулем.

Скорость его по земле 65 километров в час, а по воде 9 километров в час. Команда всего— 2 человека.

10. Это летающий танк „Кристи", который имеет авиационный мотор мощностью в 1000 лошадиных сил.

На время полета на корпус танка устанавливаются крылья и хвост самолета. После посадки крылья сбрасываются рычагом, установленным внутри танка, и машина нормально движется по суше.

Скорость по земле 120 километров в час. Команда из 3 чел.

Стихи

Ф. И. Тютчева

Зима недаром злится:
прошла ее пора —
весна в окно стучится
и гонит со двора.

И все засуетилось,
все гонит зиму вон,
и жаворонки в небе
уж подняли трезвон.

Зима еще хлопочет
и на весну ворчит.
Та ей в глаза хохочет
и пуще лишь шумит!

Взбесилась ведьма злая
и, снегу ухватя,
пустила, убегая,
в прекрасное дитя.

Весне и горя мало:
умылася в снегу
и лишь румяней стала
наперекор врагу.

ЛЕБЕДИНЫЕ ЛЕБЕДЯТА

Все лето черные австралийские лебеди проплавали праздно на болоте. К постройке гнезда они приступили только осенью. На прудах зоопарка затревожилась перелетная птица, собираясь на юг. У черных лебедей на родине начиналась весна, и они как бы почувствовали это здесь, за много тысяч километров.

В самом начале октября пара черных лебедей на болоте положила в гнездо свое первое большое светлозеленое яйцо. К седьмому октября таких яиц в гнезде было уже четыре, и лебеди сели их насиживать. И вот наконец сегодня по всем расчетам лебедята должны вылупиться. Тридцать три дня уже насиживают лебеди на болоте.

В последние дни завернули морозы, солнце ходило по небу туманным красным шаром. Морозы сковали болото льдом, толстым белым мхом покрыли ветви кустов.

Лебедей с болота решили не забирать, дать им сначала вывести маленьких.

Ночь. Женя Рыморева и Обогул Тоболаев, ребята из кружка юных биологов зоопарка, стоят у решетки. Они дежурят около лебедей. Отсюда им видно все освещенное фонарями болото. Две большие черные птицы сидят посреди снега на высокой кочке. Длинные шеи их сторожко изогнуты. Красные клювы на ночном снегу горят, как яркие тропические цветы, поникшие вместе с черным своим стеблем от холода. В воздухе лениво кружатся снежинки. Лебеди на гнезде то и дело перебирают крыльями, отряхиваются.

Тоболаев с Женей перекинули с берега к кочке доски и пошли по ним к гнезду.

Лебеди в темноте били крыльями и кричали. От этого крика проснулись лысые грифы на Турьей горке.

Осторожно подняв самку с гнезда, ребята увидели под ней двух, еще мокрых, взъерошенных лебедят. Лебедята старались протискаться между двух других, уже проклеванных яиц.

Так же осторожно опустили ребята самку опять на гнездо, и началась переправа по доскам обратно на берег. Первой пошла Женя. Но едва она сделала несколько шагов, как доски у нее под ногами разъехались, одна нога соскользнула на лед. Тоболаев не успел протянуть ей руку. Лед с треском проломился. Холодная ледяная вода напитала Женин валенок.

— Эх ты, девчонка-нескладеха! — ворчал долговязый, убирая доски.

Женя побежала в сторожку сушиться.

* * *

Утром погода была ровная, мягкая, как бывает после выпавшего снега.

Переселять лебедят собралось много народу. Но взять лебядят среди бела дня из-под родителей было не так-то просто. В ход пошли все бывшие под руками метлы. Однако отогнать птиц от гнезда не удавалось. Птицы защищались сильными клювами. Их щипки были рассчитаны так точно, что через минуту от метлы ничего не оставалось.

Тогда решено было так: трое ребят останутся на месте и будут дразнить лебедей, а Тоболаев и служитель обогнут болото и нападут на них с тылу. Лед на болоте был еще хрупкий, и отважные охотники не раз проваливались по колено в воду. Но Тоболаев все-таки добрался до кочки. Быстро оседлал он лебедя-отца, скрутил ему крылья на спине. Служитель, ворча себе что-то под нос и прихрамывая, возился около лебедя-матери.

Через несколько минут по дорожкам зоосада мимо пруда потянулась длинная процессия. Впереди всех шли Тоболаев и служитель. Осторожно поддерживали они с двух сторон большое, высокое, крепко свитое гнездо.

Тоболаев был без шапки, и это придавало всей процессии какой-то особо торжественный вид.

За ними выступали двое ребят с лебедями. Длинные изогнутые шеи лебедей напоминали духовые инструменты, и от этого и сами ребята были похожи на музыкантов.

Сзади шла Женя с шапкой Тоболаева в руках. В шапке неуклюже ворочались трое лебедят.

А в конце процессии бежала совсем маленькая девочка Молекула. Она несла четвертого лебеденка.

— Твои пищат? — поминутно спрашивала Молекула. — А мой пищит.

RB
34

Ой, как смешно ковыряется он у меня за пазухой! А твои не ковыряются?

Черных лебедей поместили в страусятнике, в крайней вольере. Все другие вольеры были уже заняты. По своим сетчатым комнатам, кланяясь на ходу, расхаживали большеногие страусы. Постукивая трехпалыми лапами, из угла в угол бродили бескрылые казуары. Прыгали по кругу похожие на огромных зайцев лопоухие кенгуру.

В страусятнике для лебедей началась новая жизнь, полная забот и тревог.

Теперь на гнезде почти все время сидел лебедь-отец. Он таращил на проходящих кроваво-красный глаз и угрожающе шипел.

Серебристые, черноносые, кареглазые лебедята то и дело высовывали из-под его крыла свои длинные шеи и осматривались по сторонам. На клювах у них не стерся еще тот маленький выводковый бугорок, которым они пробивали стенки яйца.

Рано утром сюда приходила Женя с ребятами. Первым делом они выставляли взрослых лебедей в коридор и принимались убирать вольеру. Потом взвешивали и кормили лебедят.

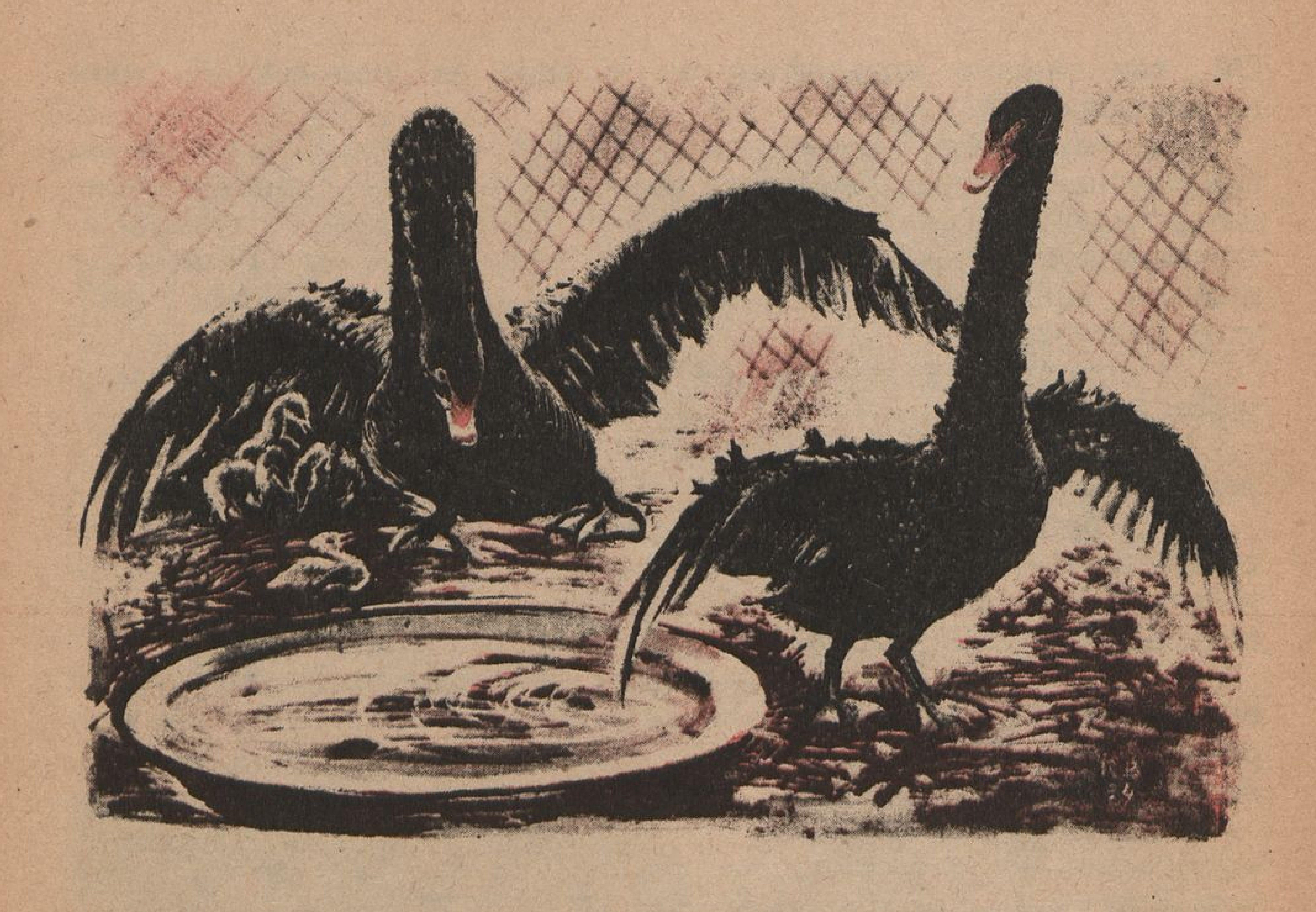

Лебеди-родители с тревожными криками ковыляли по коридору и щипали всех за ноги.

Крики лебедей волновали весь страусятник.

Страусы носились по клеткам. Пар струйками валил из их ноздрей; самцы сердито хрюкали, самки глухо булькали. Казуары гоняли взад и вперед перед сеткой и роговыми шлемами, как мальчишки палкой, выводили по ней озорную дробь. Кенгуру становилась на дыбы, а из ее сумки на брюхе неожиданно высовывалась любопытная мордашка кенгуренка.

А лебедята росли. Больше всего любили они купаться. Они залезали с ногами в свою

кормушку. По воде плавало мелко нарубленное яйцо. Лебедята начинали изо всех сил трепыхаться в этом месиве. Пришлось поставить в вольеру большой таз с водой. По песчаной горке лебедята взбирались до края таза и сразу бросались в воду. Чего они только тут ни выделывали! И плавали, и ныряли, и кувыркались, а самый маленький лебеденок вытянет лапку над водой, просушивает перепонку, а другой в это время чешет себе затылок.

Уже месяц возится Женя с новыми лебедятами, кормит их травкой, мотылем, рублеными куколками шелковичного червя. У двоих лебедят уж начал клюв розоветь, а все кажется Жене, что не так она их любит, как любила своих прошлогодних, инкубаторных лебедят.

— Те уже совсем, совсем мои были, — не раз говорила она ребятам, — а эти все-таки лебединые.

Все лебедята у Жени были перемечены. Одному из них она поставила метку на шейку, двум другим — на разные крылья, а четвертому — на темечко.

Но этого последнего лебеденка Женя узнавала и без метки.

Он был самый шустрый из всех. В первый же день своей жизни он вылез из гнезда. Отец сейчас же схватил его за шиворот и запихал под себя. Но через минуту лебеденок уже снова гулял по вольере.

Гуляка — так прозвала этого лебеденка Женя.

Больше всех лебедят полюбила Женя Гуляку.

И надо же было, чтобы с ним и стряслась беда!

Однажды купали Женя с Молекулой лебедят. Вылезли лебедята из таза взъерошенные, побуревшие; шейки тоненькие. Обираются они около таза, клювами себе перышки пощипывают.

Попросила Женя Молекулу присмотреть за лебедятами и пошла на ветпункт получить для них по капле рыбьего жиру на рыльце.

Вдруг бежит Молекула вся в слезах.

— Женя, Женечка, несчастье-то какое! Гуляка кончается.

Бросилась Женя в страусятник. Лебедь-мать сидит перед тазом, мокрая вся. То возьмется она Гуляку клювом под себя подпихивать, то кричать примется—вытянет над лебеденком длинную шею и жалобно, протяжно стонет.

— Да как же это могло случиться? Да где же ты была? — возмущалась Женя.

Молекула, всхлипывая, сморкаясь и снова всхлипывая, рассказала ей, как лебедь-мать полезла в таз купаться. „Пусть ее покупается“, думала Молекула. А вылезая из таза, мать нечаянно наступила своему сыну на шею.

Лебеденок чуть слышно стонал и то поднимал с полу голову, то опускал ее.

Женя снесла Гуляку на ветпункт. Помочь ему было уже нельзя. Она положила лебеденка на свой платок в кастрюльку, кастрюльку поставила на теплую печку. Но ему дышалось все трудней и трудней.

Вот он приподнялся на лапках, закинул навзничь на спину голову, тихо вскрикнул и затих.

И вдруг Женя почувствовала, как что-то щекотное скользнуло по ее носу и упало на меченое темечко Гуляки. Это была первая Женина слеза в этом году.

С этого дня Женя не вспоминала больше своих прошлогодних инкубаторных лебедят. Их именами — Пикой, Ликой и Никой — назвала она лебедят этого года.

Сейчас Пике, Нике и Лике идет уже третий месяц. Они сильно выросли и начинают с хвоста и крыльев одеваться в буро-седое перо. Скоро их можно будет носить в пеликанник купаться в большом водоеме. А весной лебедята будут уже совсем большие.

Один Гуляка останется таким же, как был, серебристым, черноклювым лебеденком с чернильной отметкой на темени. Его чучело стоит сейчас в кабинете заведующего. И когда Женя входит туда, ее глаза первым делом останавливаются на Гуляке.

П. Арбатов

Ответ моделистам

Дорогие читатели!

Я очень рад, что многим из вас хорошо удаются модели планера и аэросаней.

Шура Тайнчуков спрашивает, как поворачивать аэросани на ходу. В настоящих аэросанях водитель поворачивает руль, поворачивается передняя лыжа, и сани едут в нужную сторону. В модели повернуть лыжу на ходу, конечно, нельзя.

Оля Портнова (из гор. Кыштым) просит объяснить, как нужно обернуть аэросани картоном и куда в них садиться. Обернуть картоном каждый может, как хочет. Можно рассмотреть получше фотографию аэросаней и склеить такую же кабину. На фотографии видно, что пассажиры сидят внутри кабины, а спереди и в дверях сделаны окна. Пишет еще Оля, что не знает, что такое планка, рейка, бусинка. Планками и рейками называются палочки, из которых сколачивают модели. Бусинку каждый знает — это маленький стеклянный шарик с дырочкой посредине.

Павел Семенов (из Донбасса) хочет знать устройство настоящего планера. В журнале было сказано об этом немного, а хорошенько можно узнать по книжке. Книжка найдется в библиотеке.

Владимир Перфильев и Шура Потапов просят давать в журнале больше чертежей разных моделей. Витя Архипов просит сообщить, как сделать модель аэроплана, а Коля Анохин (ст. Ишим) интересуется, как сделать, чтобы ездил паровоз. В этом году мы опишем, как сделать автомобиль с резинкой. Таким же способом можно пристроить резинку к паровозу или трактору. Модель аэроплана тоже, вероятно опишем. Нам Владимир Карпушкин (из Казани) написал, как сделать аэроплан, но там не все ясно для ребят Мы постараемся сделать получше.

У Толи Мокрецова (гор. Ворошиловск) и планер хорошо летает и аэросани ездят. Он прислал нам описание самодельной моторной лодки с резиновым двигателем. Но у Толи тоже не все ясно описано. Мы летом обязательно напечатаем устройство модели колесного или винтового парохода.

Некоторые ребята, например, Коля Иванов (из деревни Козлово) и Павел Мокрецов (из колхоза „Новый путь"—Горьковский край), спрашивают, где достать резину. Ее можно достать только в кружках юных авиомоделистов или попросить у знакомого летчика.

Плохо дело у Коли Голбай. Он понимает только по греко-татарски, а прислать ему журнал на греко-татарском языке мы не можем. Сестра его Катя пишет, что она разъяснила бы, как сделать модель планера, да сама плохо разбирается. Тут можно только одно сделать — попросить помочь старших.

В общем, все пишут, что модели по нашим описаниям удаются. Только у Абы Муниц (из Керчи) планер не летает плавно, а все время кружит. Это, вероятно, оттого, что одно крыло вышло тяжелее другого. Бывает, что модель не сразу хорошо работает. Это не страшно. Можно сделать еще одну или с первой повозиться.

Пишите нам, ребята, как выходят у вас модели, сообщайте, где встречаются непонятные или трудные места. Мы все разъясним. Ваши замечания помогут нам в дальнейшей работе. Придумайте сами новые модели и присылайте нам их описания.

А. Абрамов

Адрес редакции: Москва, Центр, Новая площ., 6/8. Тел. 58-77.

Ответств. редактор **Н. Венгров.** Оформление **Веретенникова В.**

Сдано в производство 5/III 1934 г. Подписано к печати 19/III 1934 г. Ст. формат 70×108 — 1/16 л. Тир. 130 000.

Уп. Главлита Б-36091. Зак. 1435.

1-я Образцовая тип. Огиза РСФСР треста „Полиграфкнига". Москва, Валовая, 28.

Цена 40 коп.

Что за пятна?
Непонятно.
Жилки, сеточки, круги...
Разгадай-ка, помоги...